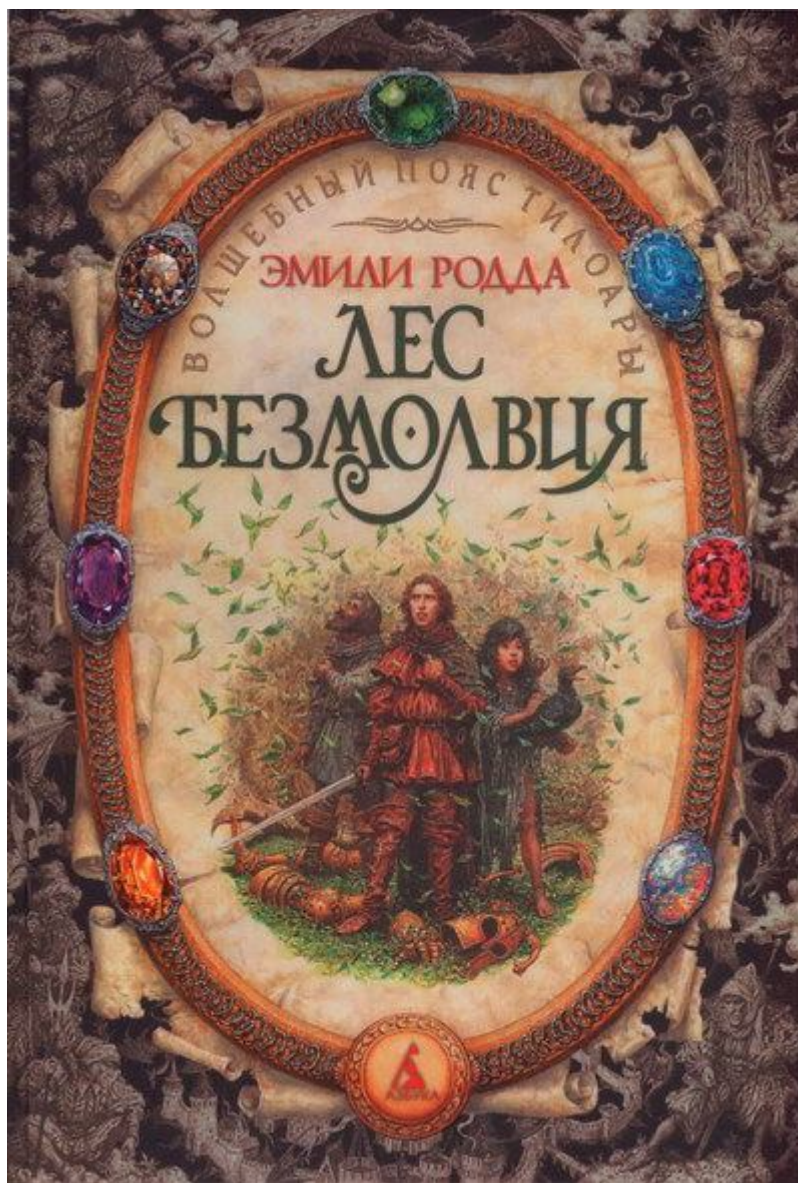


# Эмили Родда Лес безмолвия

## Волшебный пояс Тилоары – 1



- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - TaF. <http://oldmaglib.com>  
«Эмили Родда "Лес Безмолвия"»: Азбука-Классика; СПб; 2005  
ISBN 5-352-01490-8

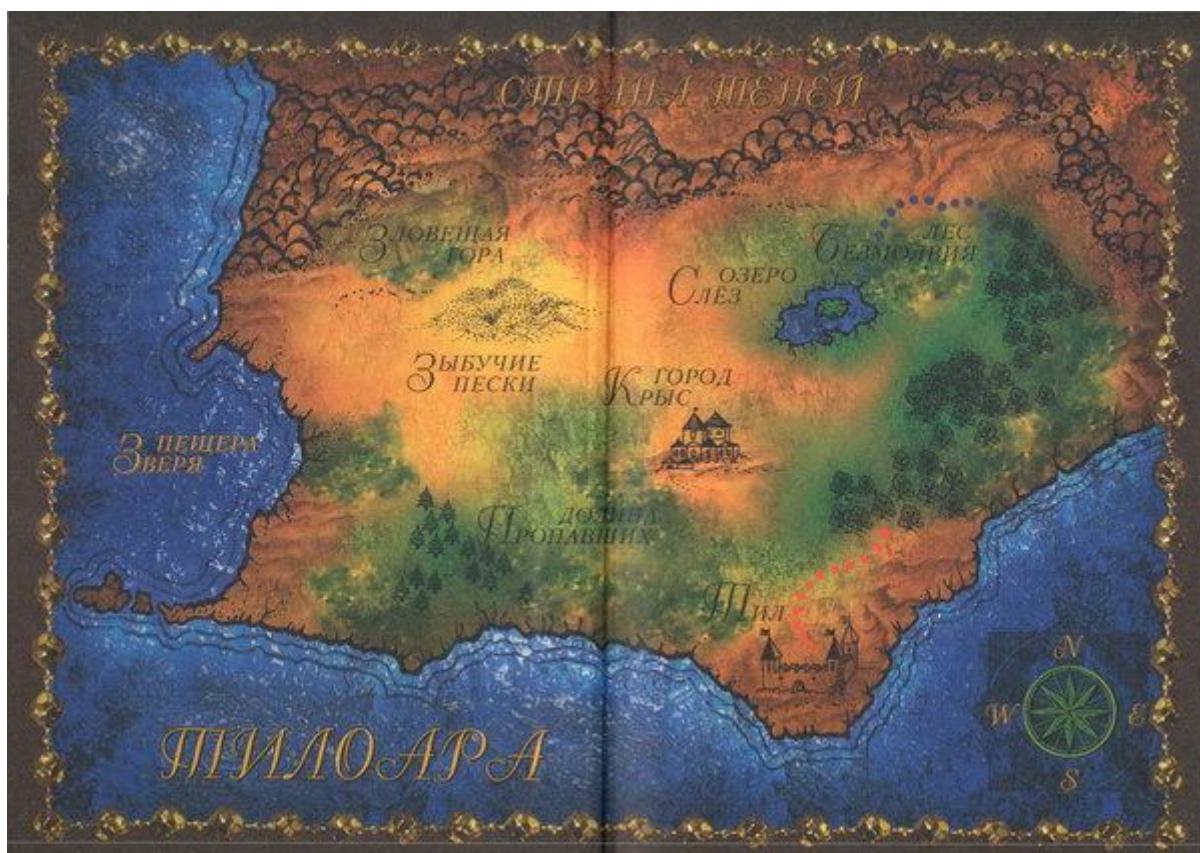
### Аннотация

7 000 000 экземпляров этой книги уже разошлись в 27 странах мира. И вот настал долгожданный час — «Лес Безмолвия» впервые выходит в свет на русском языке. Эмили Родда написала 48 книг для детей и всякий раз невозможно предугадать, чем обернутся приключения героев. Фантазия автора непредсказуема, ее книги неповторимы — это захватывающий полет сквозь чудесный мир, где тайны и приключения, загадки и шарады поджидают читателя на каждом шагу.

Сын кузнеца Лиф и бывший дворцовый стражник Барда отправляются в лес Безмолвия, из которого никто и никогда не возвращался обратно. Но чтобы спасти свой родной город, они должны собрать семь драгоценных камней, похищенных некогда из

волшебного Пояса Тилоары.

## Эмили Родда «Лес безмолвия»







Книга 1

# ЛЕС БЕЗМОЛВИЯ



Часть первая  
Пояс Тилоары



## 1. КОРОЛЬ

В парадном дворцовом зале собралось множество людей. На Джарреда никто не обращал внимания. Усталый и невыспавшийся, он прислонился к мраморной колонне.

В полночь его разбудили крики и звон колоколов. Джарред оделся и влился в толпу придворных, которые устремились в большой зал.

— Король умер, — перешептывались люди. — Сейчас состоится коронация молодого принца.

Джарред не мог в это поверить. Король Тилоары умер от неизвестной лихорадки, из-за которой он не вставал с постели последние несколько недель. Больше никогда его глубокий, властный голос не раздастся во дворце. Больше никогда он не будет смеяться, сидя за праздничным столом.

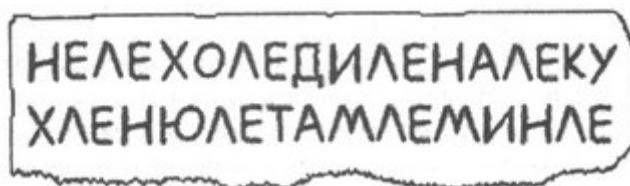
Король Альтон умер, ненадолго пережив свою жену. Обоих унесла неизлечимая лихорадка.

«Теперь королем станет Эндон», — подумал Джарред. Эта мысль показалась ему такой странной... Они с Эндоном дружили с детства. Но какая между ними огромная разница! Ведь Эндон — сын короля и королевы, принц Тилоары, а он сам всего лишь сын верного слуги, который умер на службе короля, когда Джарреду было всего четыре года.

Джарреда приставили к юному принцу, чтобы тому не было одиноко. Они выросли вместе, как братья. Вместе друзья учились, дразнили дворцовых стражей, выпрашивали у поваров на кухне что-нибудь вкусненькое, играли в зеленых садах. Другие дети, которые жили во дворце, — сыновья и дочери придворных и слуг — занимали отдельные комнаты и играли в других частях сада. Согласно дворцовому обычаю, Эндон и Джарред их даже никогда не видели, разве что в парадном зале по большим праздникам. Но двое мальчишек не скучали и веселились как могли.

У них было потайное место, где они прятались, — гигантское дупло в дереве, стоящем у дворцовых ворот. Там друзья скрывались от суетливой старухи Мин, их няньки, и Прандина, королевского советника, — высокого, тощего и мрачного человека, которого оба недолюбливали.

Эндон и Джарред вместе учились стрелять из лука. Они устраивали соревнования — выигрывал тот, кто попадал в самую высокую ветку на дереве. Друзья изобрели тайный шифр и могли обмениваться посланиями под самым носом учителей, Мин и Прандина. Джарред, скажем, мог прятаться в дупле от Мин, которая хотела напоить его отвратительным рыбьим жиром. Эндон, будто невзначай, проходил мимо и бросал записку рядом с деревом.



Она казалась бессмысленным набором букв, и никто не понял бы, о чем идет речь, если бы нечаянно поднял ее. А шифр был не таким уж сложным. Чтобы разобрать послание, нужно просто написать все буквы подряд, выбрасывая «ле». Получалось: «неходинакухнютаммин». А потом надо разделить буквы на слова: «Не ходи на кухню. Там Мин».

Чем старше становились Эндон и Джарред, тем меньше времени у них оставалось на игры и забавы. Они много учились и выполняли различные обязанности. Большая часть времени уходила на изучение Правил — сотен законов и обычаев, которым должна следовать королевская семья. Вся их жизнь была подчинена Правилам.

Они терпеливо сидели — хотя Джарред не очень-то терпеливо, — пока их длинные волосы, в соответствии с Правилами, завивали и перевязывали золотыми нитями. Часами мальчики учились выковывать из раскаленного докрасна металла мечи и щиты. Первый король Тилоары был кузнецом, и поэтому Правила предписывали продолжать обучать его ремеслу всех королев из поколения в поколение.

Ближе к вечеру у друзей был драгоценный час свободного времени. Единственное, что им запрещалось, — это перелезть через высокую стену, окружающую дворцовый сад, и выходить за ворота в город. Принц Тилоары, так же как король и королева, не должен видеть простых людей. Это важнейшая часть Правил.

Именно этот запрет Джарреду больше всего хотелось нарушить. Но Эндон, тихий, послушный и исполненный чувства долга, и думать не смел о том, чтобы вскарабкаться на стену.

— Это запрещено, — говорил он. — Прандин уже и так опасается, что ты оказываешь на меня дурное влияние. Он сказал об этом отцу. Если ты нарушишь Правила, тебя вышлют из дворца. А я этого не хочу.

Джарред тоже не хотел расставаться с другом. Он знал, что будет ужасно тосковать по Эндону.

Да и куда ему идти? Дворец — его дом, больше он нигде не бывал. Поэтому Джарред смирял свое любопытство, и город за стеной оставался для них загадкой.

Резкий звук труб прервал ход его мыслей. Вместе со всеми он повернулся к входу в зал. Там в два ряда выстроилась королевская стража в голубом обмундировании, отороченном золотой тесьмой. Между ними шел Эндон.

«Бедный Эндон! — подумал Джарред. — Как ему сейчас тяжело!»

Ему хотелось быть рядом с другом, утешить его, разделить его горе. Но Джарреда никто не позвал. Вместо него рядом с принцем гордо вышагивал королевский советник Прандин.

Джарред с неприязнью смотрел на него. Тот казался еще выше и худощавее, чем обычно. На нем было длинное фиолетовое одеяние. В руках Прандин нес шкатулку, накрытую золотистой тканью. При каждом шаге он вытягивал шею вперед, поэтому походил на огромную хищную птицу.

Глаза Эндона завлакивала печаль. Он был очень бледен и казался совсем ребенком в

своем неудобном парадном костюме с высоким, украшенном драгоценностями воротником. Однако принц держался величественно, как его учили. Всю жизнь его готовили к этой минуте. «После моей смерти ты станешь королем, сын, — часто говорил ему отец. — Ты должен выполнить свой долг».

«Я не подведу тебя, отец, — отвечал Эндон. — Когда придет время, я все сделаю правильно».

Однако ни Эндон, ни Джарред никогда не думали, что время придет так скоро. Король был сильным и здоровым, казалось, он будет жить вечно.

Эндон пересек зал и начал подниматься по ступеням помоста. Потом повернулся и посмотрел на море лиц внизу.

— Как он молод! — прошептала стоящая рядом с Джарредом женщина.

— Тише, — шикнул на нее сосед. — Он законный наследник.

Проговорив это, придворный украдкой взглянул на Джарреда. Должно быть, он знал мальчика и боялся, что тот может донести Эндону. Джарред быстро отвел глаза.

Снова грянули трубы, и по толпе пронесся взволнованный шепот.

Прандин поставил шкатулку на маленький столик рядом с тронном. Советник снял золотое покрывало, открыл ее и извлек какой-то ослепительно сияющий предмет.

Волшебный Пояс Тилоары. Толпа ахнула. Джарред затаил дыхание. Он слышал о Поясе с раннего детства, но никогда не видел его.

Так, значит, вот он какой, прекрасный и таинственный, древний Пояс, который сотни лет оберегал Тилоару от жестокого Повелителя Теней, правящего темными землями за Горами.

В костлявых пальцах Прандина Пояс, сделанный из прочнейшей стали, казался почти невесомым, как кружево. По всей длине его украшали семь огромных драгоценных камней. Каждый из них обладал волшебными свойствами и оберегал Тилоару.

Топаз, символ верности, золотой, как закатное солнце. Честь защищал изумруд, зеленее самой сочной травы. Лазурит — небесный камень, темно-синий, с серебряными, как звезды, точками. Опал, символ надежды, переливался всеми цветами радуги. Аметист, символ истины, сиреневый, как фиалки, растущие по берегам реки Тил. Рубин, красный как кровь, хранит счастье. Чистоту и силу давал алмаз, искристый, словно лед.

Толпа замерла, когда Прандин склонился, чтобы застегнуть на Эндоне Пояс. Пальцы плохо слушались советника, пока он возился с пряжкой. Справившись, Прандин быстро отошел на почтительное расстояние. У Джарреда мелькнула мысль, что тот чего-то боится. Интересно, чего?..

Вдруг Пояс озарился яркой вспышкой света. Камни горели как огонь, освещая зал разноцветным сиянием. Люди вскрикнули от неожиданности и закрыли глаза ладонями.



Эндон стоял, воздев руки, почти скрытый лучами яркого света. Он больше не прежний грустный мальчик с заплаканными глазами. Волшебный Пояс признал его законным наследником трона Тилоары. Эндон, и только он один, мог теперь использовать могущество и волшебство Пояса.

«Но воспользуется ли он им? — вдруг подумал Джарред. — Ведь его отец никогда этого не делал. Всю жизнь он беспрекословно следовал Правилам, установленным в незапамятные времена».

Сияние камней постепенно угасало. Наконец осталось лишь слабое мерцание. Молодой король снял Пояс и передал его Прандину. Советник, улыбаясь, убрал его обратно в шкатулку.

Джарред знал, что будет с Поясом дальше. Согласно Правилам, шкатулку унесут в келью, расположенную в самой высокой дворцовой башне. На дверь навесят три золотых замка. Охранять ее будут три стража в золотом облачении.



А потом все пойдет по-прежнему. Прандин и другие чиновники будут принимать все ответственные решения, влияющие на жизнь королевства. Король будет присутствовать на церемониях и празднествах, смеяться над шутами и акробатами, упражняться в стрельбе из лука и кузнечном ремесле. Часами он будет сидеть, пока ему заплетают волосы, а потом и бороду. Будет подписывать бесчисленные бумаги и ставить на них королевскую печать, которую носит на перстне. Будет следовать Правилам.

Через несколько лет Эндон женится на девушке, которую выберет Прандин. Это будет дочь какого-нибудь высокопоставленного придворного, которая тоже никогда не покидала дворца. У них родится ребенок, который взойдет на престол после смерти Эндона. И он тоже наденет Пояс только раз в жизни.

Сейчас впервые Джарред задумался, правильно ли то, что Пояс хранится под замком, а не носится королем постоянно. Впервые мальчика заинтересовало, как и зачем был сделан Пояс. Впервые он засомневался: почему источник такого могущества никогда не используется и без дела лежит в запертой келье, а само королевство, которое он должен защищать, скрыто от короля за высокими стенами?

Джарред незаметно выскользнул из зала и побежал в дворцовую библиотеку. Это он тоже сделал впервые в жизни. Учеба не являлась его любимым занятием.

Но Джарреду было необходимо кое-что выяснить. Ответы на свои вопросы он мог найти только в библиотеке.

## 2. ПОЯС ТИЛОАРЫ

После долгих поисков Джарред наконец нашел книгу, которая, как он полагал, может помочь ему. Синий переплет давно выцвел, золотые тисненые буквы поистерлись.

Однако заголовок на первой странице остался четким:



Книга не походила на те чудесные, вручную раскрашенные тома, которые штудировали Эндон с Джарредом. Отличалась она и от многих других толстых книг, стоящих на полках.

Она была маленькой, тонкой и очень пыльной. Ее засунули в самый темный угол библиотеки, в груды старых документов, словно кто-то хотел, чтобы о ней забыли.

Джарред осторожно положил старую книгу на стол. Он собирался прочесть ее от начала до конца. На это могла уйти вся ночь, но зато ему никто не помешает. Сейчас никто не станет искать его. Эндон прямо из парадного зала проследует в часовню, где, окруженное горящими свечами, лежит тело его отца. Согласно Правилам, он просидит там до рассвета.

«Бедный Эндон, — подумал Джарред. — Всего несколько дней назад он всю ночь не смыкая глаз провел у тела своей матери. Теперь он остался один, так же как я. Мы друзья до гроба. Я защищу его...»

Защиту от чего? Этот вопрос, словно острый нож, пронзил сознание. Почему он вдруг начал бояться за Эндона? Кто или что может угрожать всемогущему королю Тилоары?

«Просто я устал, — подумал Джарред. — Воображаю неизвестно что».

Он зажег новую свечу, чтобы осветить книгу. Однако воспоминание о тонкой ухмылке Прандина, когда он убирал Пояс в шкатулку, не покидало его и мучило, словно тень ночного кошмара. Джарред сдвинул брови, склонился над книгой, перевернул первую страницу и погрузился в чтение.

\* Когда-то Тилоара была поделена между семью племенами. Они ревностно охраняли свои границы. Каждое племя имело драгоценный камень из недр земли — талисман, обладающий волшебными свойствами.

\* Однажды Враг из страны Теней исполнился желания захватить Тилоару. Раздробленные племена не могли противостоять ему, и Враг был близок к победе.

\* Из народа поднялся герой по имени Адин. Он был простолюдином, кузнецом, который изготавливал мечи, доспехи и подковы. Однако Адин обладал силой, мужеством и мудростью.

\* Однажды Адин увидел во сне Пояс — семь медальонов из стали, выкованной тоньше, чем шелк, соединенных прочной цепью. В медальонах были волшебные камни, принадлежащие племенам.

\* Адин понял, что сон вещий, и много месяцев втайне от всех изготавливал Пояс, подобный тому, что ему привиделся. Потом он отправился в путь — нужно было обойти все семь племен и уговорить их отдать свои камни.

\* Поначалу племена не доверяли Адину, но постепенно, утратив надежду в одиночку отстоять свои земли, они согласились. Каждый раз, когда камень занимал свое место в Поясе, его племя становилось сильнее. Однако люди скрывали обретенное могущество и ждали своего часа.

\* Когда все семь камней оказались в семи медальонах, Адин надел Пояс, и тот засиял ярче солнца. Тогда семь племен Тилоары объединились под предводительством Адина и выгнали Врага со своей земли.

\* Адин стал первым королем объединенных племен и правил Тилоарой долго и мудро. Он никогда не забывал, что вышел из народа и что его могущество держится на доверии простых людей. Не забывал Адин и о том, что Враг побежден, но не уничтожен, он умен и хитер. Веками Враг может таить ненависть и злобу и ждать подходящего случая, чтобы вновь захватить Тилоару. Поэтому Адин никогда не снимал Пояс...

Чем больше Джарред читал, тем сильнее становилось его беспокойство. С собой у него были карандаш и бумага, но он ничего не записывал. Слова словно бы сами запечатлевались в его мозгу. Он узнал даже больше, чем рассчитывал, — не только о Поясе Тилоары, но и о Правилах.

\* Первым королем, снявшим Пояс, был внук Адина, Элстред, который к старости так растолстел, что Пояс до боли сдавливал ему живот. Советник короля Элстреда успокоил его, сказав, что Пояс достаточно надевать только в особых случаях. Дочь Элстреда, королева Адина, продолжила традицию отца и надевала Пояс только пять раз за все время правления. Ее сын, король Брандон, надевал его три раза. В конце концов стало традицией надевать Пояс только в день коронации наследника престола.

\* Послушавшись своего советника, король Брандон велел строителям из Раладина воздвигнуть огромный дворец в городе Тил. Королевская семья переселилась из старой кузницы за высокие дворцовые стены и со временем перестала покидать их.

Когда Джарред наконец закрыл книгу, на сердце у него было тяжело. Свеча догорела, в окно лились первые лучи рассвета. Мальчик глубоко задумался. Потом он сунул книгу за пазуху и побежал к Эндону.

В часовне было тихо и холодно. Тело усопшего короля, окруженное горящими свечами, лежало на мраморном возвышении. Эндон, низко склонив голову, стоял на коленях рядом.

Когда вбежал Джарред, юный король поднял лицо. Глаза его покраснели от слез.  
— Ты не должен сюда входить, Джарред, — прошептал он. — Это против Правил.  
— Уже рассвело, — ответил Джарред. — И мне очень нужно поговорить с тобой.

Эндон поднялся с колен и подошел к другу.  
— В чем дело? — тихо спросил он.  
У Джарреда в голове гудело от всего, что он прочел. Слова путались.  
— Эндон, ты должен все время носить Пояс Тилоары, как первые короли.  
Эндон изумленно посмотрел на друга.  
— Пошли! — Джарред потянул его за руку. — Наденешь его прямо сейчас.  
Эндон сделал шаг назад и покачал головой:  
— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать. Правила...  
Джарред нетерпеливо топнул ногой:  
— Да забудь ты о Правилах! Это всего лишь традиции, которые появились сами собой и которые советники сделали законом. Следовать Правилам опасно! Из-за них каждый следующий король Тилоары был слабее предыдущего. Ты должен искоренить эти Правила. Возьми Пояс и надень его. А потом ты должен выйти за ворота дворца.  
Джарред говорил слишком взволнованно и сбивчиво. Эндон нахмурился и отошел.  
— Ты нездоров, друг мой, — беспокоило произнес он. — Ты, должно быть, бредишь.  
— Нет! Это ты живешь как во сне, — настаивал Джарред. — Ты должен увидеть, что происходит за стенами дворца — в городе и во всей Тилоаре.  
— Но я вижу город. Каждый день я смотрю на него из окна моей спальни. Он очень красивый.  
— Но ты не разговариваешь с людьми! Ты не ходишь среди них!  
— Конечно нет! — удивился Эндон. — Правила запрещают разговаривать с простым народом. Но я знаю, что у них все хорошо.  
— Ты знаешь только то, что говорит тебе Прандин! — закричал Джарред.  
— Разве этого недостаточно? — Холодный голос подобно острой стали прорезал воздух.

### 3. ПОБЕГ

Эндон и Джарред вздрогнули и обернулись. На пороге стоял Прандин. В его глазах, обращенных к Джарреду, светилась ненависть.  
— Как смеешь ты, жалкий слуга, подначивать короля нарушить Правила и свой долг? — прошипел он, входя в часовню. — Ты всегда ему завидовал, а теперь хочешь погубить его. Предатель!  
— Нет! — воскликнул Джарред. Он повернулся к Эндону. — Поверь мне! Я желаю тебе только добра!  
Но Эндон в ужасе отшатнулся от него. Джарред сунул руку за пазуху, чтобы достать книгу. Он хотел доказать другу, что его слова — чистая правда.  
— Берегитесь, ваше величество! У него нож! — крикнул Прандин и бросился между двумя мальчиками, делая вид, что хочет заслонить собой Эндона. — Убийца! Предатель! Стража! Стража!  
На секунду Джарред замер. Потом он услышал, как во дворце зазвонили в колокола, объявляя тревогу. Звук тяжелых башмаков — стражи бежали в часовню. Прандин издевательски, победоносно улыбался. Наконец-то ему представилась возможность, которой он так долго ждал, — избавиться от Джарреда навсегда.  
Мальчик знал: чтобы спасти свою жизнь, надо бежать. Он оттолкнул с дороги Прандина и быстрее ветра выскочил из часовни. Джарред пронесся через огромную сумрачную кухню, где повара как раз разводили огонь в печах. За спиной он слышал крики стражников:  
— Предатель! Держи его!  
Однако повара не пытались остановить Джарреда. Они не знали, что стража преследует именно его. Для них он был старым знакомым, другом юного короля.  
У черного входа на кухню одетый в лохмотья старик нагружал обедками свою

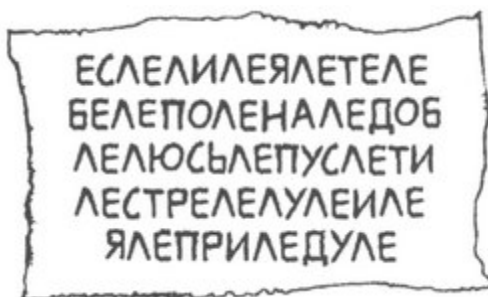
тележку, запряженную лошадей. Больше никого рядом не было. Он не заметил, как Джарред спрятался за густыми кустами.

Мальчик полз на коленях вдоль стены, скрываясь в зарослях, пока не добрался до дворцовых ворот. Неподалеку росло то самое дерево с дуплом, где они с Эндон когда-то прятались от старухи Мин. Пригибаясь, Джарред быстро добежал до него и юркнул в дупло. Он знал, что рано или поздно стражи все равно найдут его. Может, даже сам Эндон скажет им, где искать. А потом его казнят. Джарред проклинал себя за нетерпеливость и поспешность. Он напугал своими речами Эндона, который так устал, столько пережил. И как глупо попался в лапы Прандина!

Вдруг издали послышался какой-то скрип. Осторожно выглянув из дупла, мальчик увидел тележку с обедками. Старик, сидя на козлах, направлялся к дворцовым воротам и понукал свою лошадей, слабо шевеля вожжами. Вот он — шанс выбраться из дворца и спастись! Сердце Джарреда бешено забилося. Убежать и оставить беззащитного Эндона одного?.. Ведь теперь Джарред не сомневался в коварстве Прандина.

«Если ты не сбежишь, то погибнешь. И тогда ты уже не сможешь помочь Эндону. Никогда».

Эта мысль заставила его принять решение. Он вытащил карандаш и бумагу и нацарапал записку.



Джарред оставил клочок бумаги в дупле. Интересно, найдет ли его Эндон когда-нибудь? Может быть, он, поверив Прандину, больше никогда сюда не придет.

Джарред сделал все что мог. Тележка приближалась. Скоро она будет проезжать мимо дерева. Это его шанс.

Как в детстве, он поднялся по полому стволу вверх и вылез на ветку. Оттуда Джарред увидел, что повсюду снуют стражи. Но прятаться он умел хорошо. Распластавшись на толстой ветке, скрытый густой листвой, он был почти невидим.

Тележка старика проезжала прямо под ним. Джарред дождался подходящего момента, легко спрыгнул и с головой зарылся в липкие, вонючие отбросы. Хлебные корки, яблочная кожура, обглоданные кости, заплесневевший сыр... Джарред закрыл глаза и старался не дышать.

Лошадь неторопливо перебирала копытами. Раздавались крики стражников, ищущих его. Потом послышался новый звук: открывали створки первых деревянных ворот.

Сердце Джарреда выпрыгивало из груди. Он слышал, как ворота закрыли. Заскрипели вторые ворота...

Тележка ехала вперед, раскачиваясь и подпрыгивая на камнях. Вторые ворота закрылись, пропустив ее. Впервые в жизни Джарред оказался по ту сторону дворцовой стены. Телега спускалась с холма. Вскоре он очутится в прекрасном городе, который так часто видел из своего окна.

Любопытство заставило его высунуться. Он осторожно поднял голову.

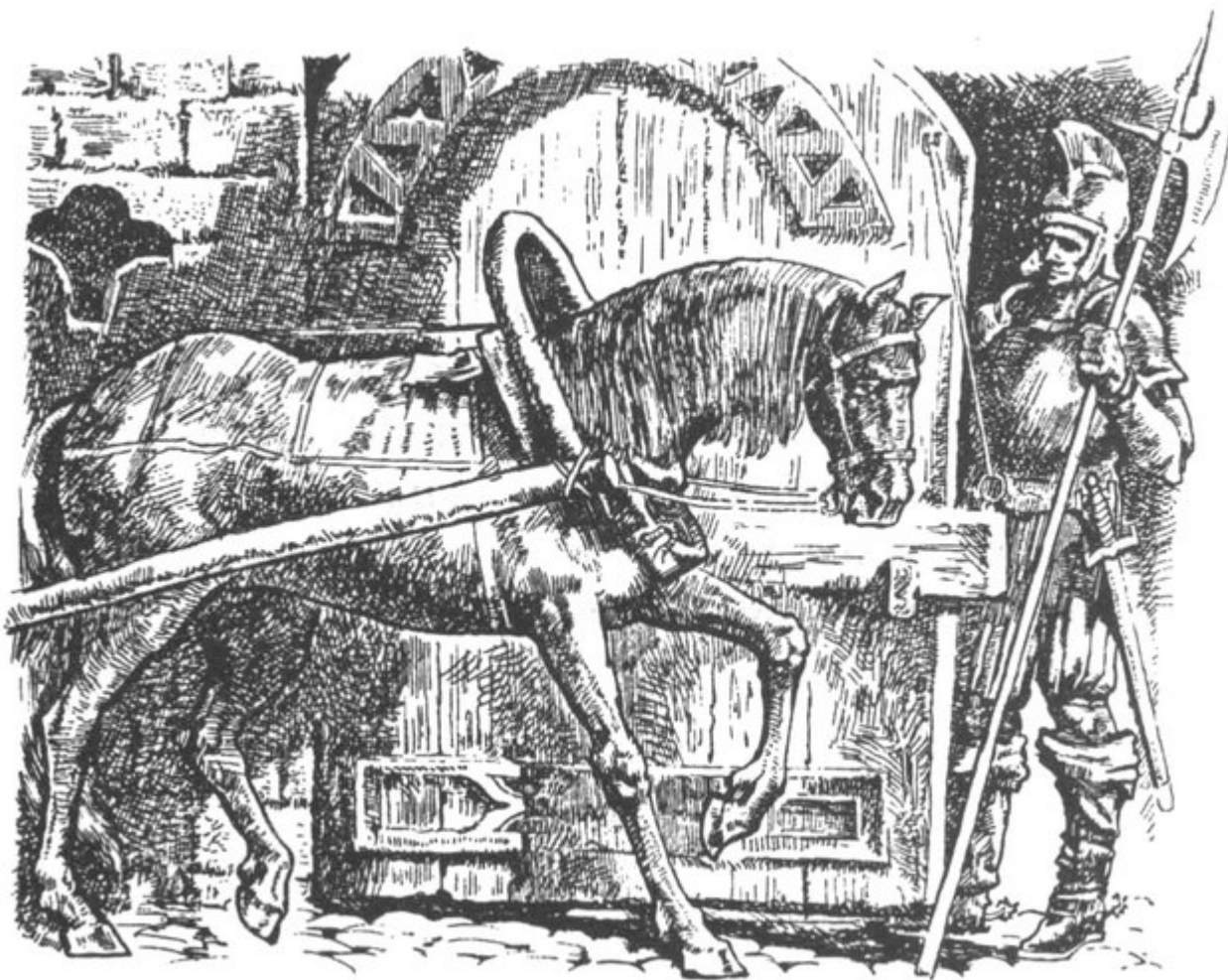
Джарред видел, как они отъезжали от дворца. Каменная стена, ворота, вершина дуплистого дерева... Но где же дворцовые башни, высокие деревья чудесного тенистого сада?.. Над стеной не было ничего, кроме густого искрящегося тумана.



Мальчик подумал, что глаза обманывают его, и потер их, но туман не рассеялся. Изумленный, Джарред повернул голову, чтобы увидеть Тил. И в тот же миг чуть не закричал от ужаса и неожиданности: вместо прекрасного города перед ним были развалины.

Здания разрушались. На дороге сплошные колдобины. Поля высохли и заросли сорняками. Деревья низкорослые и кривые. У подножия холма стояли изможденные, одетые в лохмотья люди с мешками и корзинами.





Джарред начал выбираться из объедков. Он перестал опасаться того, что старик может его услышать, и тот действительно даже не обернулся. Джарред догадался, что старик глухонемой, ведь за все время он не сказал ни слова, даже своей лошади.

Джарред выпрыгнул из тележки и скатился в канаву на обочине дороги. Он видел, как старик съехал с холма и остановился. Оборванцы бросились к отбросам. Они дрались за каждую кроху с королевского стола, заталкивая в мешки кости, корки, овощные очистки...

Люди голодали.

Должно быть, сейчас Эндон глядит из своего окна на город и видит покой, красоту и достаток. Он видит ложь. Картинку, которую ему нарисовали на внутренней стороне тумана, окутывающего дворец.

Сколько лет злое колдовство скрывало правду от королей Тилоары? Кто его создал?

Огненные буквы из книги всплыли в мозгу Джарреда. Он содрогнулся от ужаса.

*...Враг побежден, но не уничтожен, он умен и хитер. Веками Враг может таить ненависть и злобу и ждать подходящего случая, чтобы вновь захватить Тилоару.*

Повелитель Теней не дремлет.

#### 4. КУЗНИЦА

Джарред плохо помнил, как вылез из канавы, как пробирался через колючие кусты вдоль дороги. Он не знал, что заставило его прийти к воротам кузницы, где он и упал без сил.

Возможно, мальчик увидел горящий огонь. Может быть, он услышал удары молота по раскаленному металлу, и этот звук напомнил ему уроки с Эндоном. А может, его вел дух Адина. Ведь кузнец Криан, упрямый и бесстрашный, был, наверное, единственным

человеком в Тиле, который мог приютить Джарреда.

Криан поднял мальчика и отвел в маленький дом за кузницей. На его зов прибежала симпатичная девушка. В ее глазах читался вопрос, но она не проронила ни слова, пока помогала деду накормить и напоить Джарреда, омыть его царапины и ссадины. Они забрали у него грязную, рваную одежду, дали взамен длинную ночную сорочку и уложили на узкую кровать. Джарред сразу же уснул.

Когда он проснулся, то услышал, как в кузнице опять стучит молот, а девушка поет на кухне. Солнце уже садилось. Он проспал целый день.

В изголовье кровати Джарред нашел штаны и рубашку. Он натянул их, заправил кровать и вышел.

Мальчик застал Криана за работой. Старик повернулся и молча посмотрел на него.

— От всего сердца благодарю вас за доброту, — неловко произнес Джарред. — Сейчас я уйду, потому что не хочу навлечь на вас неприятности. Если сюда придут дворцовые стражники, прошу вас, не говорите, что я здесь был. Они скажут, будто я хотел убить короля. Но это неправда.

— Тем хуже, — мрачно ответил старик, возвращаясь к работе. — Многие в Тиле сказали бы тебе спасибо, если бы ты его убил.

Джарред побледнел. Так, значит, вот как обстоят дела в городе. Короля ненавидят. И неудивительно. Люди знают только то, что он живет в роскоши за своими высокими стенами, а они страдают. Народ не понимает, что королю не известна истина.

— Стражи не придут, — не оборачиваясь, сказал кузнец. — Я выбросил твою одежду в море с высокой скалы и видел, как они нашли ее. Теперь все будут думать, что ты утонул.

Джарред не знал, что сказать. Он заметил, что Криан выковал подкову, над которой работал. Машинально мальчик поднял тяжелые клещи и шагнул к наковальне. Криан с удивлением на него посмотрел, но позволил подцепить подкову и опустить в бочку. Вода зашипела, остужая металл.

— Ты знаком с кузнечным ремеслом, — сказал старик.

— Немного, — кивнул Джарред. Он осторожно достал из воды подкову и отложил в сторону.

— Я уже стар, — проговорил Криан, наблюдая за ним. — Моего сына — его одежда сейчас на тебе — убили три года назад. Его жена умерла еще раньше, родив ему дочь. У меня осталась только внучка — Анна. Живем мы просто, но хлеб на столе есть всегда. И так будет, пока силы не оставят меня. — Он посмотрел на руки Джарреда — нежные и белые, с длинными, закругленными ногтями. — Ты можешь поселиться у нас. Но тебе придется тяжело работать, чтобы не быть нам обузой. Ты согласен?

— Согласен, — твердо ответил Джарред.

Ему понравились старый кузнец и красивая Анна. К тому же здесь он будет неподалеку от дворца. Теперь он может сделать для Эндона только одно — ждать от него знака. И Джарред поклялся себе, что будет ждать.

Прандин думает, что он умер. Но вряд ли советник скажет об этом Эндону — ему удобнее, чтобы юный король считал его опасным бежавшим предателем. Если Эндон будет постоянно бояться за свою жизнь, им проще управлять.

«Но однажды Эндон поймет, что я был прав, — думал Джарред. — Когда-нибудь он позовет меня, и я буду готов помочь ему».

Итак, решено. Джарред взял ножницы и отрезал свои длинные, причудливо заплетенные волосы, которые выдавали в нем жителя дворца. С этого дня он все время работал в кузнице.

Джарред уже знал, как выковывать красивые изящные мечи и щиты из горячего металла и стали. Теперь ему предстояло научиться изготавливать простые вещи: подковы, топоры и плуги. Он быстро перенял все навыки, его изнеженные руки стали сильными, а мышцы — твердыми как камень. Джарред брал на себя все больше работы.

Заказов было много, но все равно Криан и Анна едва сводили концы с концами.

Происходило это потому, что многие жители Тила были еще беднее, чем они, и могли заплатить совсем чуть-чуть. Некоторым, кому платить оказывалось и вовсе нечем, Криан все равно помогал, говоря:

— Заплатишь, когда будут деньги. Уже на второй день Джарред понял: все, чему учили их с Эндоном о Тиле, — ложь. В городе царили голод и болезни. За его стенами рыскали чудовищные звери и банды разбойников. Много лет из деревень и городков под Тилем не доходило никаких вестей.

Люди недоедали. И тем не менее по ночам через город проезжали телеги, тяжело нагруженные снедью и напитками. Телеги скрывались за воротами дворца. Никто не знал, откуда они приезжали.

— Откуда-то издалека, это точно, — сказал Криан, когда вечером они сидели у камина. — Таких яств здесь не найти.

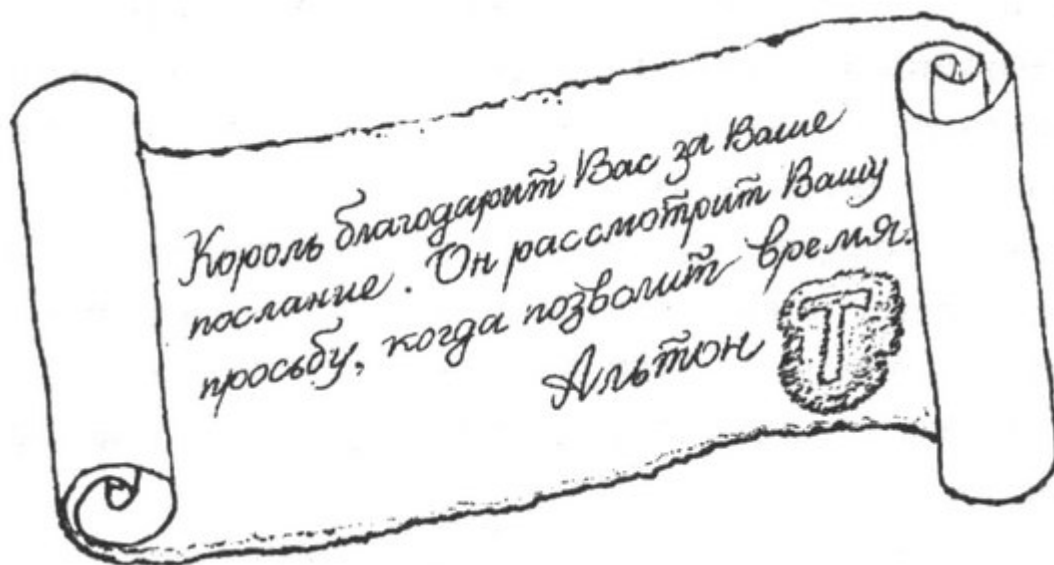
— Говорят, что когда-то в Тилоаре царили мир и достаток, — добавила Анна. — Но это было так давно.

— Новый король ничего не знает! — воскликнул Джарред. — И старый не знал. Почему вы не рассказали ему...

— Не рассказали? — раздраженно перебил Криан. — Да мы только и делали, что рассказывали ему о наших бедах! — Не вставая с кресла, он повернулся, достал с полки небольшую коробку и бросил ее Джарреду. — Открой!

Джарред снял с коробки крышку. Внутри лежало множество пожелтевших от времени свитков с золотой каймой. Он взял наугад один из них и развернул.

Нахмурившись, Джарред положил свиток обратно в коробку и взял другой. В нем были те же самые слова. Во всех свитках одно и то же.



Отличались только подписи королей и королев — Джарред помнил их имена из уроков истории.

— Все они одинаковы, — сказал Криан, хмуро наблюдая, как Джарред разворачивает один свиток за другим. — Веками люди отправляли во дворец послания, умоляя о помощи, а в ответ получали только эти проклятые бумажки. Никакой помощи. Никакой!

— Король Альтон по крайней мере никогда не получал этих писем, Криан, — мягко произнес Джарред. — Думаю, их скрывал от него королевский советник, Прандин.

— Король подписывал эти свитки и ставил на них свою печать, — холодно заметил старик. — Так же, как и его предки.

— Это все из-за Правил: советник подготавливает все королевские документы и приносит на подпись, — объяснил Джарред. — Старый король подписывал все, что Прандин клал перед ним на стол.

— Значит, он был слабоумным! — огрызнулся Криан. — И сын его, без сомнения, такой же. От Эндона будет так же мало проку, как и от его отца. — Кузнец покачал головой. — Я боюсь за Тилоару. Сейчас мы так слабы, что если вдруг Повелитель Теней нападет на нас, мы не сможем защитить себя.

— Он не нападет, дедушка, — попыталась успокоить его Анна. — Ведь нас защищает Пояс Тилоары. И наш король охраняет Пояс. Хотя это он для нас делает.

У Джарреда по спине пробежал холодок. Он не мог сказать Анне, что она ошибается. Если девушка узнает, что Эндон не носит Пояс, а доверяет его охрану другим людям, то она потеряет последнюю надежду.

«Эндон, я не смогу помочь тебе, если ты сам этого не захочешь, — думал Джарред, отправляясь спать. — Только ты можешь позвать меня. Пойди к дуплистому дереву. Найди мою записку! Дай мне знать».

Каждое утро, прежде чем начать работу в кузнице, Джарред пристально всматривался в вершину дерева над дворцовой стеной. Золотая стрела, вонзенная в самую высокую ветку, должна была сверкнуть в лучах утреннего солнца. Этого сигнала Джарред ждал от своего друга.

Прошло много, много времени, прежде чем он наконец увидел знак. Но было уже слишком поздно.

## 5. ВРАГ НАПАДАЕТ

Шли годы, жизнь текла своим чередом. Джарред и Анна поженились. Старый Криан умер, и Джарред занял его место в кузнице.

Иногда он забывал, что когда-то жил совсем иной жизнью. Годы, проведенные во дворце, казались сном. Но тем не менее каждое утро Джарред смотрел на вершину дерева на холме. И часто перечитывал маленькую синюю книгу, которую нашел во дворцовой библиотеке. Временами его охватывал страх перед будущим. Он боялся за любимую Анну и ребенка, которого они ждали. Боялся за себя, за Эндона и за всю Тилоару.

Однажды ночью, ровно через семь лет после коронации Эндона, Джарред беспокойно ворочался в постели и не мог уснуть.

— Скоро уже рассвет, а ты глаз не сомкнул, — ласково сказала Анна. — Что тебя беспокоит?

— Не знаю, любимая. Сон не идет ко мне.

— Может быть, слишком жарко, — предположила Анна, вылезая из кровати. — Я открою окно.

Она раздвинула занавески и потянулась к ручке, но вдруг вскрикнула и отшатнулась. Джарред вскочил и подбежал к ней.

— Смотри! — прошептала Анна, указывая в небо. — Что это?

Джарред выглянул из окна, и у него перехватило дыхание. Над дворцом кружились огромные уродливые птицы. Было слишком темно, чтобы разглядеть их. Они вытягивали длинные шеи и щелкали хищными клювами. Могучие крылья рассекали воздух. Птиц было семь. Пока Джарред смотрел на них, они сделали еще пару кругов над дворцом, а потом разделились и улетели в разные стороны.

Он вспомнил, как они называются, — когда-то учителя рассказывали им с Эндоном об этих птицах.

— Ак-Баба, — произнес он, обняв жену за плечи. Ее глаза расширились от страха. — Ак-Баба, — медленно повторил Джарред, все еще глядя на стены дворца. — Огромные птицы, которые питаются падалью и живут тысячу лет. Семь из них служат Повелителю Теней.

— Зачем они прилетали? — прошептала Анна.



— Не знаю. Но боюсь, что...

Вдруг он резко замолчал и высунулся из окна. В первых неярких лучах рассвета что-то сверкнуло на вершине дерева за дворцовой стеной. Сначала Джарред не мог пошевелиться. Когда он повернулся к Анне, его лицо было бледным и мрачным.

— Эндон пустил стрелу. Ему нужна моя помощь.

За несколько секунд Джарред оделся и выскочил из дома. Он бежал к дворцу. Мысли путались.

Как ему добраться до Эндона? Если перелезть через стену, стражники, без сомнения, его увидят. Прежде чем он успеет спрыгнуть на землю, его пронзит дюжина стрел. Тележка для сбора объедков больше не поможет. Прандин, должно быть, догадался, каким образом Джарреду удалось сбежать, потому что теперь тележку не пропускали во дворец. Она останавливалась между первыми и вторыми воротами, а стражники нагружали ее мешками.

«Только сам Эндон может мне помочь, — думал Джарред. — Может быть, он увидит меня...»

Когда он, тяжело дыша, остановился неподалеку от дворцовых ворот, то обнаружил, что они заперты. Джарред подошел ближе. Высокая трава шуршала от легкого ветерка. Возможно, его ждет западня. Что если сейчас из травы выскочат стражи и схватят его? Может быть, Эндон наконец решил выдать его Прандину.

Вдруг он на что-то наступил. Он посмотрел вниз и увидел в пыли на дороге детскую

деревянную стрелу. К ней был привязан маленький клочок бумаги.

Сердце Джарреда громко стучало, когда он поднял стрелу и развернул бумажку. Надежда сменилась горьким разочарованием, когда он заглянул в нее. Это был всего лишь детский рисунок. Какой-то ребенок во дворце, наверное, играл и упражнялся в стрельбе из лука, как когда-то они с Эндоном.



Джарред раздраженно смял рисунок и бросил его на землю. Он снова посмотрел на закрытые ворота и безлюдную дорогу. Никакого знака, ничего. Только деревянная стрела и комок бумаги в пыли, который ветер гнал прочь. Он бездумно глядел на него и почему-то вспомнил дурацкий стишок.

«Странно, — подумал он. — Этот стих напоминает инструкцию. Как будто маленький ребенок зарифмовал ее, чтобы лучше запомнить».

Вдруг ему в голову пришла идея. Джарред кинулся за скомканной бумажкой. Он поднял, расправил ее и внимательно прочел. На этот раз он заметил две детали, которые ускользнули от него поначалу. Бумага пожелтела от времени. И почерк, хоть и детский, казался знакомым.

«Так писал Эндон, когда был маленьким, — удивленно подумал Джарред. — И картинку тоже он нарисовал! Это точно!»

Тут Джарред понял, что, по всей видимости, произошло. У Эндона было мало времени, но ему требовалось срочно отправить послание. Поэтому он взял один из своих старых рисунков, привязал к стреле и выпустил ее через стену. Эндон использовал деревянную детскую стрелу, чтобы она не привлекла внимания стражей.

Если Джарред прав, то Эндон не мог просто взять первый попавшийся рисунок. Он должен иметь особый смысл. Иначе зачем бы Эндон хранил его все эти годы?

Мышка, не бойся,  
Мишку буди.

Джарред больше не медлил. Держа в руке бумажку, он сошел с дороги и двинулся влево вдоль стены.

Когда он нашел то, что искал, дороги уже не было видно. Огромный валун, хоть и заросший высокой травой и густыми кустами, напоминал спящего медведя. Джарред пролез через кусты к камню. Он заметил, что трава у носа спящего медведя была не такой густой, как везде. Интересно, почему? Похоже, что...

— Просыпайся, медведь! — пробормотал Джарред.

Он начал выдергивать в этом месте траву и разрывать землю. Джарред догадался



правильно: под тонким слоем почвы оказался круглый железный люк. Для Джарреда не составило труда отодвинуть крышку. Под ней он увидел темную дыру, стены которой были облицованы камнем. Вход в туннель.

В норку заройся  
И быстро беги.

Джарред знал, что делать. Он лег на живот и, помогая себе локтями, заполз в нору. Потом туннель расширился, и продвигаться стало легче.

«Ну, вот мышка и в норке. Надеюсь, на выходе ее не подстерегает кошка», — невесело подумал Джарред.

Сначала туннель шел вниз, но потом стал горизонтальным. Джарред понял, что находится где-то под холмом: абсолютная темнота, неподвижный воздух, холодные стены. Он все полз и полз, утратив ощущение времени. Наконец туннель закончился крутыми каменными ступеньками, ведущими вверх. Вслепую нащупывая дорогу, Джарред полез по ним и вдруг ударился макушкой о каменную плиту. Он с ужасом понял, что проход закрыт. Ему не выбраться из туннеля.

Его захлестнула обжигающая волна паники. Значит, это все-таки ловушка? Может, стражи уже пробираются следом за ним, зная, что ему некуда деться?

Вдруг он вспомнил:

Свету откройся —  
Плиту подними.

Страх ушел. Джарред уперся руками в каменную плиту над головой и начал изо всех сил ее толкать. Камень поддался и со скрежетом сдвинулся в сторону. Джарред поднялся по ступенькам и вышел из темноты к мягкому, мерцающему сиянию.

— Кто ты такой? — раздался низкий голос.

Перед ним в лучах света стоял высокий мужчина. После непроглядной тьмы у Джарреда слезились глаза, и он не мог разглядеть его.

— Меня зовут Джарред. Не приближайся! Он вскочил на ноги и схватился за меч.

Вдруг, шурша дорогим шелком и звеня золотыми украшениями, человек упал перед ним на колени.

— Джарред, как я мог не узнать тебя? — вскричал он. — Ради нашей дружбы, умоляю тебя, прости мне то, что я сделал! Ты единственный, кому я могу доверять! Пожалуйста, помоги нам!

Только теперь Джарред понял, что перед ним был Эндон.

## 6. ДРУЗЬЯ ДО ГРОБА

Неловко смеясь, Джарред поднял короля с колен:

— Эндон! Я тоже сначала тебя не узнал! Да вставай же!

Когда его глаза привыкли к свету, он понял, почему не сразу узнал старого друга.

Худощавый стройный юноша, которого он оставил семь лет назад, превратился в широкоплечего высокого мужчину. Драгоценные камни, сверкающие при свете свечей, испещряли его одежду и высокий воротник. Глаза, по дворцовому обычаю, были обведены черным. Длинные волосы и бороду украшали золотые нити и замысловатое плетение. От него пахло благовониями. Джарреду, который уже отвык от дворцовой моды, его вид казался странным и даже пугающим. Он понял, что Эндон также пристально разглядывает его, и вдруг ему стало неловко за свою грязную рабочую одежду, грубые башмаки и взлохмаченные волосы. Чтобы скрыть смущение, он отвернулся.

Только теперь Джарред понял, где именно очутился, — в часовне. Одна из мраморных

плит вокруг возвышения в центре зала была отодвинута, и под ней зияла чернота.

— О туннеле знают только члены королевской семьи и держат это в тайне. Им пользуются в случае серьезной опасности, — мягко произнес Эндон. — Еще король Брандон приказал прорыть его, когда строился дворец. Отец рассказал мне о нем, когда я был маленьким, и заставил выучить стишок, который легко запомнить даже ребенку. Об этом никто не должен знать. Даже советники никогда не подозревали о туннеле.

Джарред ничего не ответил. Его глаза были прикованы к бездыханному телу старухи, лежащему на мраморном возвышении. Морщинистое лицо в мерцающем свете казалось таким умиротворенным.

— Мин! — прошептал он.

Когда Джарред узнал свою старую няню, которая заботилась о нем все его детство, у него на глаза навернулись слезы. Много лет он ее не видел, но часто о ней вспоминал. Не верилось, что ее больше нет.

— Знаешь, оказывается, у нее есть взрослый сын, — сказал Эндон. — Он жил во дворце, но я никогда его не встречал. Когда она умерла, я велел позвать его. Оказалось, что ему удалось сбежать во время праздника. Он боялся. Наверное, Мин рассказала ему то, что услышала. Он знал, что ее убили...

— Убили? — не поверил Джарред. — Но кто?.. Лицо Эндона исказилось от горя.

— Она пришла в мои покои. Я как раз собирался на празднование семи лет со дня коронации. Ее что-то беспокоило. Мин вышивала в своей комнате и случайно услышала чей-то шепот, который напугал ее. Она сказала мне, что во дворце есть враги и что этой ночью случится что-то страшное. — Эндон покачал головой. — Я ее не послушал. Думал, она задремала за вышиванием и ей все приснилось. Я рассмеялся над ее страхами и отослал прочь. Через час она была мертва. Упала с лестницы. Мне сказали, что это несчастный случай, но...

— Но ты так не думаешь, — закончил за него Джарред, глядя на неподвижное бледное лицо Мин. — По-твоему, ее убили из-за того, что она услышала?

— Да, — кивнул Эндон. — Моя жена тоже так думает.

— Значит, ты женат. — Джарред посмотрел на друга. — Я тоже.

Эндон улыбнулся:

— Это хорошо. Надеюсь, ты так же счастлив в браке, как и я. Мою жену зовут Шарн. До самой свадьбы мы ни разу не видели друг друга, как предписывают Правила, но с каждым годом я люблю ее все больше. К концу лета должен родиться наш первенец.

— А наш — в начале осени, — сказал Джарред.

Друзья замолчали, думая о тех переменах, которые произошли за семь лет. Потом Эндон посмотрел Джарреду прямо в глаза:

— Я рад снова видеть тебя. Я был жестоко наказан за то, что поверил тогда в твое предательство. Как мне тебя не хватало!

Вдруг неловкость и отчуждение, стоявшие между ними, растаяли. Джарред с радостью пожал руку старому другу.

— Друзьями до гроба мы были в детстве и всегда ими останемся, — сказал он. — В глубине души ты всегда знал это и позвал меня в минуту опасности. Жаль только, что нам пришлось ждать так долго. Боюсь, у нас мало времени.

— Значит, Мин права, — прошептал Эндон. — В Тилоаре появилось зло...

— Оно уже давно здесь, — перебил его Джарред. — А теперь...

Скрипнула дверь. Оба повернулись и схватились за рукоятки мечей.

— Эндон, уже рассвело, — раздался нежный голос.

— Шарн! — воскликнул Эндон.

Он двинулся навстречу красивой молодой женщине, которая вошла в часовню. На ней была роскошная одежда, блестящие волосы уложены в высокую прическу. Под глазами у нее лежали тени, как будто она не спала всю ночь.

Заметив Джарреда, она вздрогнула и шагнула назад.

— Не бойся, Шарн, — успокоил ее Эндон. — Это Джарред.  
— Джарред! Ты пришел! — Усталое лицо осветила улыбка.  
— Пришел, — кивнул он. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам победить зло, воцарившееся в нашем королевстве. Нужно действовать быстро. Мы должны немедленно пойти в башню, чтобы Эндон надел Пояс Тилоары.

Эндон побледнел.

— Я... Я... не могу... — запинаясь, произнес он. — Правила...

— Забудь о Правилах, Эндон! — чуть не закричал Джарред, поворачиваясь к выходу. — Я уже говорил тебе, а ты меня не послушался. Не совершай ту же ошибку во второй раз. Только Пояс может защитить Тилоару. И я боюсь, что сейчас он в опасности. В большой опасности.

Эндон стоял неподвижно. Он все еще колебался. Шарн взяла его за руку.

— Ты король, Эндон, — тихо сказала она. — Гораздо важнее выполнить долг перед Тилоарой, чем соблюсти Правила. Мы должны все вместе пойти в башню.

Наконец Эндон кивнул:

— Хорошо. Пойдем.

Они пробежали три пролета высокой лестницы. Никто их не видел. Было еще очень рано, и во дворце все спали, только повара уже начали хлопотать на кухне.

У Джарреда появилась надежда, что все будет хорошо. Эндон и Шарн спешили за ним следом. Но вдруг, добравшись до последнего пролета, где располагалась келья, он резко остановился. Дверь была открыта нараспашку, золотые замки сломаны. Три стража лежали убитые, все еще сжимая в руках мечи.

Эндон обогнал Джарреда и ворвался в келью. Послышался исполненный страдания крик. Потом — тишина. У Джарреда упало сердце. Они с Шарн медленно вошли вслед за королем.

В маленькой круглой комнате пахло гнилью. Рассвет окрасил небо за окном в зловеще-багровый цвет. Хрустальная шкатулка, в которой хранился Пояс Тилоары, была разбита на тысячи осколков.

Эндон стоял на коленях. Перед ним на полу лежало то, что осталось от Пояса. Он поднял его — бесполезная цепочка из серой стали. Все семь камней пропали.

## 7. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Шарн вскрикнула, бросилась к мужу и помогла ему подняться. Он едва держался на ногах, сжимая уничтоженный Пояс. Джарреда охватило отчаяние. Случилось то, чего он так боялся. Враг победил.

За спиной у них раздался хриплый издевательский хохот. В дверях стоял Прандин. В своем длинном черном одеянии он казался таким же высоким и тощим, как всегда, но что-то в нем изменилось. Будто бы маска упала с его лица. Торжественность, серьезность пропали. Жестокость и злорадование горели в его глазах и трепетали на тонких бледных губах.



— Значит, ты восстал из мертвых, Джарред, чтобы еще раз попытаться вмешаться, — прорычал он. — Но ты опоздал. Скоро, очень скоро Тилоару накроет тень моего Повелителя.

Джарреда охватила слепая ярость. Он бросился вперед, нацелив меч в сердце Прандина. В мгновение ока меч в его руках раскалился добела. Вскрикнув от ожога, он выронил его.

— Зря ты сюда пожаловал, Джарред, — хладнокровно произнес Прандин. — Я бы продолжал думать, что ты мертв. А теперь ты обречен, так же, как твой безмозглый король, его проклятая жена и их отродье!



Он выхватил из-под одежды длинный узкий кинжал, кончик которого был смазан чем-то зеленым.

Джарред не хотел умирать, но знал, что должен спасти Эндона, Шарн и их еще не родившегося ребенка, наследника Тилоары, пусть даже ценой собственной жизни.

— Нас слишком много, — громко сказал Джарред. — Пока ты убьешь одного, остальные успеют убежать.

Догадается ли Прандин, что это не столько вызов ему, сколько послание Эндону: «Пока я отвлекаю его, бери Шарн и беги!»

Но советник только расхохотался и захлопнул дверь кельи.

— Это недолго, — прошипел он, шагнув вперед. — Кинжал смазан смертельным ядом. Достаточно одной царапины — и смерть не заставит себя долго ждать. Так случилось с твоими отцом и матерью, король Эндон.

— Убийца! Предатель! — крикнул Эндон, заслоня собой Шарн. — Ты предал своего короля и свою страну!

— Это не моя страна, — презрительно усмехнулся Прандин. — Я, как и все советники до меня, всегда служили другому, гораздо более могущественному Повелителю. — Он посмотрел на Эндона. — Ты последний в роду. Сотни лет мы по крохе отнимали власть у твоей семьи, превращая вас в послушных марионеток. Наконец пришло время отобрать вашу последнюю защиту. — Он указал костлявым пальцем на спутанную цепь в руках Эндона. —

Проклятый Пояс безродного Адина уничтожен. Пояса Тилоары больше нет.

— Но камни уничтожить нельзя, — произнес король, слабо шевеля бледными губами. — И за пределы Тилоары их тоже нельзя вынести: смерть настигнет любого, кто это сделает.

— Камни надежно спрятаны в таких местах, где никто не решится их искать. А когда ты вместе со своим отродьем умрешь, от них все равно не будет никакой пользы.

Вдруг в комнате стало темнее и раздался гром. Глаза Прандина победоносно сверкнули.

— Идет Повелитель Теней! — произнес он.

Прислонившись к стене, Шарн тихо застонала. Вдруг она, похоже, что-то услышала. Королева кинулась к распахнутому окну и выглянула, но смотрела она не на почерневшее небо, а вниз, на землю. Потом Шарн отошла от окна и зажала рот руками, как будто сдерживая крик.

— Что там? — встревоженно спросил Прандин.

Шарн покачала головой:

— Ничего. Я ошиблась. Там никого нет.

«О Шарн, даже ребенку понятно, что ты лжешь! — с отчаянием подумал Джарред. — Кто бы ни шел нам на помощь, теперь он погибнет».

— Не двигайтесь, или она умрет! — прорычал Прандин, приближаясь к окну.

Шарн отбежала в сторону.

— Не смотри туда! Там никого нет! — крикнула она.

— Это ты так говоришь, — усмехнулся предатель и высунулся по пояс наружу.

Вдруг Шарн нагнулась, обхватила лодыжки Прандина и резким движением вытолкнула его из окна.

Оцепеневшие Джарред и Эндон услышали его жуткий вопль. Прандин разбился насмерть. Как такой хрупкой, изящной Шарн удалось справиться с врагом?

— В парадном зале я часто наблюдала, как маленький акробат подобным образом заставлял падать огромного, тучного клоуна, — спокойно сказала королева. — Я подумала, что у меня тоже может получиться.

— Но что ты там увидела? — спросил Джарред.

— Как я ему и сказала — ничего. Но я знала, что он мне не поверит и сам высунется из окна.

Джарред посмотрел на нее с нескрываемым восхищением и повернулся к Эндону.

— Тебе так же повезло с женой, как и мне, — сказал он.

Эндон медленно кивнул.

Снаружи раздался ужасный гром, будто рык огромного разъяренного зверя. К башне неслись черные тучи с багровой каймой.

— В туннель! Быстрее! — скомандовал Джарред.

Во всем дворце раздавались испуганные голоса. Люди с криками просыпались от надвигающегося ужаса.

— Все из-за меня, — со стоном произнес Эндон, когда друзья подбежали к дверям часовни. — Как я могу их бросить?

— У тебя нет выбора, — ответил запыхавшийся Джарред. — Твоя семья должна выжить, иначе Повелитель Теней навеки воцарится в Тилоаре.

Он толкнул Эндона и Шарн в часовню и запер дверь изнутри.

— Пойдем прямо в кузницу, — сказал он, направляясь к входу в туннель. — Там мы подумаем, что делать дальше.

— Нам придется бежать из города и укрыться в надежном месте, — ответила Шарн.

Побелевшие руки Эндона сжали искореженную стальную цепь, которая когда-то была Поясом Тилоары.

— Я не могу бежать и скрываться, — твердо сказал он. — Я должен отыскать камни и вернуть в медальоны на Поясе. Без них Тилоара обречена.

Джарред взял друга за руку.

— Камни нужно найти, но искать их должен не ты, Эндон, — возразил он. — Ведь Повелитель Теней не успокоится, пока не убьет тебя. Сейчас тебе надо надежно спрятаться и ждать.

— А что если я умру раньше, чем мы восстановим Пояс? — с отчаянием воскликнул Эндон. — Он будет обладать силой, только если его носит прямой потомок Адина! Только на мне он будет сиять!

Джарред хотел возразить, но передумал. Скоро Эндон и сам поймет, что люди уже давно утратили веру в него, а значит, Пояс больше никогда не засияет на нем.

Шарн тихо подошла к мужу.

— Не забывай, что наш ребенок будет прямым потомком Адина, — гордо сказала она. — Если Повелитель Теней обладает терпением, то и мы тоже. Мы спрячемся, но не для спасения собственной жизни, как он будет думать, а для того, чтобы вырастить нашего ребенка и подготовиться к будущему. — Она с любовью взяла его за руку. — Пройдут годы, и, может быть, нас уже не будет, но он изгонит зло из королевства и воцарится на троне.

Ее мужество вдохновило Джарреда.

— Ты и в самом деле драгоценный подарок судьбы, — прошептал Эндон, обняв жену. — Но ты не понимаешь. Без Пояса наш ребенок не сможет победить Повелителя Теней. Камни...

— Когда-нибудь камни будут найдены, — перебил Джарред. Оба посмотрели на него. — Обсудим это позже, в кузнице, — быстро сказал он. — Теперь, когда Прандин погиб, никто не знает, что у вас есть друзья за пределами дворца. Повелитель Теней не заподозрит, что жалкий кузнец может ему чем-то грозить.

— На поиски камней отправишься ты? — спросил Эндон.

Джарред покачал головой:

— Сейчас я не смогу их найти, и ты не сможешь. Приспешники Врага будут тщательно охранять камни. Но по прошествии лет Повелитель Теней начнет думать, что он в безопасности, и его слуги постепенно ослабят наблюдение. Тогда только и можно начинать поиски... Друг мой, может быть, в будущем мы больше никогда не встретимся, — глухо произнес Джарред. — Мы будем в разлуке, и кто знает, что произойдет с нами в это опасное время? Но когда-нибудь камни будут найдены и Пояс Тилоары восстановлен. Поверь мне.

Эндон сжал в ладонях протянутую руку Джарреда и низко склонил голову. Вдруг стены часовни содрогнулись, как будто на дворец обрушился мощный ураган.

— Бежим! — крикнула Шарн.

Король помог жене спуститься в туннель и тревожно обернулся к другу.

— Ты говоришь, что мы должны скрыться, спрятаться, но куда же мы пойдем? — неуверенно спросил он.

— Повелитель Теней принесет с собой тьму и волнения, — мрачно ответил Джарред. — Страну наводнят неприкаянные бродяги. Брат потеряет брата. Жизнь не будет течь по-старому. Эта-то неразбериха нам и поможет.

— Ты уже придумал, где мы спрячемся? — спросил Эндон.

— Да. Это довольно опасно, но, если хочешь, можно попытаться.

Не задавая больше вопросов, Эндон последовал за женой в темноту туннеля. Джарред спустился последним и придвинул мраморную плиту на прежнее место, чтобы никто не догадался, куда они ушли.

Оказавшись в непроглядной тьме, Джарред подумал об Анне, и его сердце пронзила боль.

Раньше им приходилось нелегко, но они были счастливы. Теперь все изменится. На Тилоару надвигались страх и хаос. Много лет королевство будет стелаться под страшным игмом Повелителя Теней.

Что ждет их впереди?..



## Часть вторая

### Под властью тьмы



#### 8. ЛИФ

Лиф бежал домой по темным, грязным улочкам Тила. В домах горел свет, двери были надежно заперты на ночь. Он мчался быстро, как ветер, но бесшумно, как кот. Сердце выпрыгивало из груди.

Он опаздывал. Безнадёжно опаздывал. Нужно было спешить, но мальчик знал, что малейший звук может его выдать.

Находиться на улице после заката не полагается. Это один из строжайших запретов Повелителя Теней. Закон вступил в силу в первый же день его владычества, когда он захватил Тил шестнадцать лет назад. Нарушение запрета каралось смертью.

Лиф нырнул на узкую длинную улочку, которая вела в заброшенную часть города. Пахло сыростью и гнилью. Камни мостовой были предательски скользкими.

Ему и раньше приходилось оказываться на улице после заката, но никогда — так поздно и так далеко от дома. Как он проклинал себя за неосторожность! Отец и мать сейчас, конечно, ждут его, места себе не находят от беспокойства.

— После обеда ты свободен, сынок, — сказал ему отец, вставая из-за стола. — Твое шестнадцатилетие — это особый день. Мы с твоей матерью хотим, чтобы ты повеселился с друзьями.

Лиф очень обрадовался. Еще никогда родители не отпускали его посреди рабочего дня. Обычно после обеда он должен был учиться.

Ему всегда казалось это несправедливым. Никто из его друзей никогда не учился! Зачем уметь читать и писать? Зачем знать историю и ломать голову над математическими задачами? Зачем все это кузнецу? Но родители настаивали, чтобы Лиф продолжал

заниматься, и он неохотно подчинялся. Мальчик привык к ежедневным урокам, но от этого не стал любить их больше. Свободный день — о лучшем подарке на день рождения он и мечтать не мог.

— Сегодня вечером ты получишь еще один подарок. И мы должны кое-что с тобой обсудить, — сказал отец, обмениваясь тревожным взглядом с матерью.

Лиф быстро посмотрел на родителей, которые вдруг очень посерьезнели.

— Что обсудить? — спросил он.

Мать улыбнулась и покачала головой.

— Поговорим вечером, Лиф, — ласково сказала она. — Пока наслаждайся праздником. Но будь осторожен. И следи за временем! Возвращайся до наступления ночи.

Лиф пообещал быть дома вовремя и выбежал на улицу, прошел через горячую кузницу, где каждое утро помогал отцу, мимо Барды — одетого в рубище полоумного попрошайки, который весь день сидел у ворот, выпрашивая милостыню, а ночью спал у них во дворе. Лиф пересек дорогу, ведущую к дворцу на холме, и прошел через заросшие сорняками поля. Наконец он попал на рынок, где мог раствориться в запахах и звуках многолюдного, шумного города.

Лиф нашел одного из своих друзей, потом еще четверых, и все вместе они отправились бродить по своим излюбленным местам. Денег у них не было, но они развлекались как могли: дразнили продавцов на рынке, носились по грязным улочкам, водили за нос Серых Стражей, искали серебряные монеты в засорившихся сточных канавах. Наконец на заросшем пустыре у стен дворца они нашли кое-что получше, чем монета, — старое скрюченное дерево, усыпанное маленькими красными плодами.

— Яблоки! — объяснил друзьям Лиф.

Он знал, что это за фрукты, и даже когда-то в детстве съел один плод. Тогда в городе еще оставалось несколько больших садов. Яблоки и другие фрукты можно было купить на рынке, хотя стоили они недешево. Однако потом вышел указ, что все фрукты в Тилоаре принадлежат Повелителю Теней, где бы ни росло дерево.

Об этой старой яблоне, видно, забыли. Серых Стражей нигде поблизости не было.

Друзья набрали яблок, сколько могли унести, и забрались в старую водопроводную трубу под городом, чтобы никто не помешал их трапезе. Плоды были маленькие и жесткие, но все равно очень вкусные. Они казались еще слаще потому, что мальчишки стащили их у самого Повелителя Теней. Это был настоящий праздник.

За час до заката друзья Лифа заспешили домой. А имениннику так не хотелось терять этот последний час свободы! Он остался сидеть в темноте водопроводной трубы и погрузился в раздумья.

Лиф хотел задержаться совсем ненадолго, но вдруг заметил узкий туннель, ведущий в сторону дворца. Он прополз по нему довольно далеко и вернулся назад, мысленно пообещав себе, что придет сюда в другой раз. Когда мальчик наконец поднялся на поверхность, то оказалось, что уже стемнело. Время пробежало быстро.

И теперь ему грозит смертельная опасность.

Из-за угла появились два Серых Стража и медленно пошли в его сторону. Лиф затаился, спрятавшись за полуразвалившейся стеной. Они разговаривали между собой и еще не успели заметить Лифа, услышать его дыхание, учуять его запах.

Лиф в отчаянии глядел вокруг в поисках выхода. По обе стороны улицы возвышались мокрые стены, покрытые скользким мхом. На них невозможно забраться без посторонней помощи. Просто броситься наутек равносильно самоубийству.

За свои шестнадцать лет Лиф облазил весь Тил и нередко сталкивался с опасностью. Но раньше ему всегда везло. Он был проворным, ловким и смелым. Но и ума у него тоже хватало, и сейчас он понимал, что не сможет убежать от Серых Стражей по этой узкой прямой улице.

У каждого Стража была праща и целая сумка серебристых шариков, наполненных обжигающим ядом, — жители Тил а называли их пузырями. Стражи метали пузыри с

поразительной силой и меткостью, даже в темноте. Лиф не раз видел, как бились в агонии те, в кого они попадали, и совсем не хотел пополнить число жертв.

Однако если он останется в своем укрытии, Стражи все равно учуют его, когда подойдут ближе, и убьют. Так или иначе, от пузыря или от кинжала, Лифа ждала смерть.

Он вжался в стену, не смея шелохнуться. Стражи приближались...

«Хоть бы они повернули! — лихорадочно думал Лиф. — Хоть бы что-нибудь отвлекло их! Тогда у меня был бы шанс...»

Он не молил о чуде, потому что не верил в сверхъестественное. Хотя некоторые в городе поговаривали... Вдруг Лиф услышал какой-то стук с той стороны, откуда пришли Стражи. Они быстро повернули на звук и побежали обратно. Не веря своей удаче, Лиф хотел броситься в противоположную сторону. Вдруг, чуть не подпрыгнув от неожиданности, он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Это оказалась веревка — она свисала со стены. Кто ее спустил?

Удивляться и раздумывать времени не было. В следующую секунду он уже карабкался по веревке на стену. С той стороны росло высокое дерево. Мальчик прыгнул на ветку, затаился и стал оглядываться по сторонам.

Он был один. Веревка оказалась надежно привязана к стволу, но неизвестно, кто перебросил ее через стену.

Стражей Лиф еще не видел, но уже слышал их голоса. Они возвращались, обсуждая, что это был за звук. Он не сомневался, что Стражи ничего не нашли. Тот, кто спустил веревку, должно быть, бросил камень в том направлении, чтобы отвлечь их. Именно так поступил бы сам Лиф, если бы хотел помочь другу.

«Другу?» — озадаченно подумал он, быстро подтягивая к себе веревку, чтобы ее не заметили на стене. Насколько Лиф знал, все его друзья сейчас преспокойно сидят по домам. Кто же узнал, что он в беде?

«Сейчас не время размышлять об этом. Важно добраться до дома, пока не стряслось чего-нибудь еще».

Лиф отвязал от дерева веревку, свернул ее и накинул на плечо: такие хорошие веревки, как эта, на дороге не валяются. Он тихо слез на землю и, напрягая зрение, попытался хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Наконец Лиф узнал очертания сломанного гончарного круга, который валялся в траве. Он понял, что находится во дворе гончарной мастерской, которая когда-то была самой большой в городе. Сотни раз мальчик проходил мимо ее черных пустых окон и заколоченной двери, на которой красовался знак Повелителя Теней.



Это означало, что Враг наложил свою руку на мастерскую. Теперь это мертвое место, здесь больше никогда не будут работать, да и заходить сюда незачем. В этой части города было много подобных строений, носящих на себе знак Повелителя. Когда-то здешние жители пытались восстать против захватчика. Они составили против него заговор, но он раскрыл его. От него ничего нельзя утаить.

Лиф перелез через кучи битых горшков, на которых уже вырос бурьян. Две огромные печи, в которых некогда обжигали готовые изделия, превратились в груду кирпича. Он

нечаянно наступил на сломанную глиняную лошадку, которую погубили тяжелые башмаки Серых Стражей.

Когда Лиф добрался до выхода, то вдруг осознал, что его сердце бешено колотится, но не от страха, а от ярости. Почему его народ должен это терпеть?! Почему он сам крадется по родному городу, словно вор, в постоянном страхе смерти или заточения?!

Лиф вышел на пустынную улицу и с ненавистью посмотрел на дворец, который когда-то был окутан белым сверкающим туманом. Друзья рассказывали, что раньше там жил король Тилоары. Когда дворец захватил Повелитель Теней, туман рассеялся.

Хотя родители Лифа заставляли его изучать историю Тилоары с древнейших времен, они почти ничего не рассказывали ему о том, что происходило за несколько лет до его рождения. Казалось, Джарред и Анна боятся об этом говорить. Соглядатаи Повелителя Теней повсюду, так что лучше помалкивать. Но друзья Лифа не опасались и многое ему поведали.

Говорили, что последний король Тилоары, как и другие до него, ни капли не заботился о своем народе и ничего для него не сделал. Единственной обязанностью короля Эндона было хранить волшебный Пояс Тилоары. Но король оказался слишком слаб, ленив и глуп. Он не смог уберечь Пояс и открыл дорогу Повелителю Теней.

Эндон мертв, как сказали ему друзья. «Так ему и надо, — сурово подумал Лиф, спеша домой. — Король, который обрек свой народ на такие мучения, заслуживает смерти».

Мальчик добрался до полей и побежал, низко пригибаясь и прячась в высокой траве. Еще несколько минут — и он в безопасности. Лиф уже видел теплый свет в окнах своего дома.

Он знал, что его будут ругать за опоздание и расспрашивать, откуда он взял веревку. Однако наверняка родители будут счастливы, что он жив и здоров, и быстро простят его.

«По крайней мере, они не оставят меня без ужина. Ведь они хотели еще о чем-то со мной поговорить перед сном».

Лиф на мгновение задумался, о чем же будет разговор, и улыбнулся, вспомнив, какие ужасно серьезные у них были лица.

Он очень любил своих родителей, но во всем Тиле трудно было найти людей более заурядных, скромных и тихих, чем Джарред и Анна с кузницы. Джарред сильно хромал с тех пор, как на него упало дерево, — Лифу тогда было десять. Но и до этого родители старались поменьше выходить из дому, хотя с удовольствием слушали рассказы путешественников, которые, бывало, заглядывали в кузницу.

Лиф родился уже после того, как вместе с приходом Повелителя Теней наступило время темноты и страха. Мальчик знал, что многие сопротивлялись ему и погибли в борьбе. Некоторые бежали из Тила.

Джарред и Анна не сделали ни того, ни другого. Не поддаваясь всеобщей панике, они сидели дома и подчинялись всем указам, чтобы ничем не привлечь к себе внимание Врага. Когда смутнение улеглось и его сменило тягостное, унылое существование, они открыли ворота кузницы и снова начали работать, борясь за существование в новом, разрушенном мире.

Сам Лиф никогда бы так не поступил. Он не понимал родителей. Ему казалось, что единственная цель их жизни — любой ценой избежать неприятностей. Лиф был совершенно уверен: что бы они ему ни сказали, его это не удивит.

Наконец он с облегчением вбежал во двор перед кузницей, чуть не натолкнулся на нищего старика Барду, который плелся в свою конуру, и распахнул дверь дома. С языка у него были готовы сорваться заранее придуманные извинения, а мысли устремились к предстоящему ужину.

Лиф и представить себе не мог, что сейчас изменится вся его жизнь.

## 9. ТАЙНА

Он сидел за столом, как громом пораженный, и смотрел на отца так, будто видел его впервые.

— Ты жил во дворце? Ты был другом короля? Ты?! Поверить не могу!

Отец хмуро улыбнулся.

— Придется поверить, сынок, — сказал он. — Ведь именно поэтому все эти годы мы жили так уединенно, рабски подчинялись всем указам Врага, никогда не сопротивлялись! Сколько раз мне хотелось все изменить! Но я знал, что мы не должны привлекать его внимание.

— Но почему вы ничего не говорили мне раньше? — воскликнул Лиф.

— Мы считали, что лучше тебе не знать об этом, — произнесла мать. Она стояла у камина и смотрела на сына одновременно грустно и серьезно. — Очень важно, чтобы Повелитель Теней ни о чем не узнал, — продолжала она. — Десять лет твой отец думал, что он сам отправится на поиски камней Пояса Тилоары, когда придет время. Но потом...

Она осеклась и взглянула на мужа, который сидел в кресле, неуклюже выставив искалеченную ногу. Невеселая улыбка появилась на его губах.

— Потом на меня упало дерево, и мне пришлось смириться с мыслью, что это буду не я, — закончил он за нее. — Я могу работать в кузнице, чтобы прокормить нас, но дальний путь мне не осилить. И теперь, Лиф, отправляться в путь придется тебе. Если ты хочешь.

У мальчика кружилась голова. За какой-то час все, во что он верил, обернулось по-другому.

— Значит, короля не убили, — медленно произнес он. — Им с королевой удалось сбежать. Но почему Повелитель Теней не разыскал их?

— Когда мы дошли до кузницы, король и королева переоделись простыми бедными горожанами, — объяснил отец. — Пока за окнами бушевала гроза, ревел ветер и Тилоара погружалась постепенно во мрак, мы с ними спешно придумали план. А потом расстались. — Тяжелые воспоминания исказили его лицо. — Мы знали, что можем больше никогда не увидеться. Эндон понял, что его глупость и беззаботность разрушили у людей последнюю веру в него. На нем Пояс уже никогда не будет сиять. Все наши надежды мы возложили на его еще не родившегося ребенка.

— Но откуда ты знаешь, что ребенок родился и до сих пор жив? — спросил Лиф.

Отец поднялся на ноги и снял с себя старый потемневший пояс, который всегда носил за работой. Сделанный из двух прошитых кожаных ремней, он был очень прочным и довольно тяжелым. Джарред достал нож, вспорол несколько стежков и вытянул то, что скрывалось в кожаном чехле.

Лиф затаил дыхание. Блестящая цепь с семью стальными медальонами — вот что было зашито в ремне! Ничего прекраснее он в жизни не видел. Ему очень хотелось потрогать ее, и он протянул руки.

— Прежде чем спрятать Пояс, я починил его, чтобы в него опять можно было вставить камни, — сказал отец, передавая Лифу цепь. — Но, как ни чини, он бы рассыпался в прах, если бы наследника Адина не было в живых. Как видишь, Пояс цел, значит, и наследник жив.

Не веря своим глазам, Лиф смотрел на удивительную цепь, которую держал в руках, — тот самый легендарный Пояс, сделанный Адином! Как часто мальчик читал о нем в маленькой синей книжке, которую давал ему отец, — «Волшебный Пояс Тилоары»! И вот теперь он держит Пояс в руках.

— Если ты согласен отправиться на поиски камней, сынок, то должен надеть Пояс и никогда не снимать его, пока он не будет восстановлен, — сказала мать. — Ты согласен? Хорошо обдумай свой ответ.

Но Лиф уже принял решение. Он посмотрел на родителей. Глаза его горели.

— Согласен, — твердо сказал он. Ни минуты не колеблясь, он надел Пояс под рубашку и застегнул его. Холодная сталь коснулась его кожи. — Куда я должен идти?

Отец вдруг побледнел, сел и долго хранил молчание.

— Готовясь к этой минуте, мы выслушали истории многих путников, — наконец произнес он. — Я расскажу все, что нам удалось узнать. Прандин сказал, что камни надежно спрятаны в таких местах, где никто не отважится их искать. — Он взял со стола свиток и медленно развернул его. — В тот день, когда были похищены камни, над башней летали семь птиц под названием Ак-Баба. Они разделились и полетели в разные стороны. Думаю, каждая унесла с собой по камню, чтобы спрятать в определенном месте. Смотри. Я нарисовал карту.

Лиф склонился над свитком. Его сердце выпрыгивало из груди, когда он начал читать названия мест, на которые указывал отец.

— Озеро Слез, город Крыс, Зыбучие пески, Зловещая гора, пещера Зверя, долина Пропавших, лес Безмолвия... — Его голос становился все тише.



Одни только названия наводили ужас, особенно последнее...

Лифу вспомнились жуткие истории о лесе Безмолвия, который находился чуть восточнее Тила, и карта поплыла у него перед глазами.

— Путники рассказывали, что в тот день, когда Тилоару захватил Повелитель Теней, именно над этими местами видели одиноко парящих Ак-Баб, — продолжал отец. — Там-то тебе и придется искать камни. Об этих местах мало что известно, но у всех у них дурная слава. Поиски будут долгими и опасными, Лиф. Ты еще можешь отказаться.

У Лифа пересохло во рту. Он молча покачал головой.

— Ты еще совсем юный! — воскликнула мать, закрывая лицо руками. — Я этого не вынесу.

Лиф повернулся к ней и обнял ее.

— Я должен идти, и я хочу этого, — сказал он. — Не плачь обо мне.

— Ты не знаешь, на что идешь, — глухо проговорила Анна.

— Может быть, и не знаю, — согласился Лиф. — Но я точно знаю, что сделаю все, лишь бы избавить Тилоару от Повелителя Теней! — Он снова обернулся к отцу. — Где наследник? Ты должен знать точно, где он, ведь ты сам нашел для них укрытие.

— Это так, — тихо сказал отец. — Но будет только хуже, если я укажу тебе наследника сейчас. Без Пояса он бессилен и должен быть надежно спрятан, пока не найдутся все камни. Ты молод и нетерпелив, а дорога тебе предстоит тяжелая, Лиф. Ты можешь поддаться искушению и начать поиск наследника, не завершив своей миссии. — Лиф хотел возразить, но отец знаком остановил его и покачал головой. — Когда все камни займут свои места на Поясе, он сам приведет тебя к наследнику, — твердо сказал он. — Тебе придется подождать.

По его лицу пробежала тень загадочной улыбки, когда Лиф вздохнул, отчаявшись уговорить отца. Потом он нагнулся и вытащил что-то из-под кресла.

— Может быть, это поднимет тебе настроение. Мой подарок на день рождения.

В руках отца блеснул тонкий сияющий меч. Лиф никогда даже не мечтал иметь такой клинок.

— Я выковал его в нашей кузнице, — сказал Джарред, протягивая сыну меч. — Это лучшее, что я сделал в жизни. Береги его, и он убережет тебя.

Лиф кивнул, от восхищения бормоча бессвязные слова благодарности, и заметил, что мать тоже протягивает ему подарок — искусно сотканный плащ, мягкий, легкий и теплый. Он переливался, поэтому невозможно было определить его цвет: коричневый, зеленый или серый. Что-то среднее, решил наконец Лиф. Словно вода в реке осенью.

— Этот плащ тоже будет беречь тебя, где бы ты ни был, — проговорила Анна, целуя сына. — Он соткан из особых ниток. Я вплела в него всю свою любовь, воспоминания, силу и тепло.

Джарред встал и обнял жену. У нее в глазах стояли слезы. Лиф посмотрел на родителей.

— Вы никогда не сомневались, что я соглашусь, — тихо сказал он.

— Мы знаем тебя слишком хорошо, чтобы позволить себе сомневаться, — ответила мать, пытаясь улыбнуться. — А еще я была уверена, что ты захочешь отправиться в путь прямо сейчас. Еду, которой хватит на первые несколько дней, я уже собрала.

— Сейчас? — пробормотал Лиф.

Внутри у него все перевернулось. Сейчас — это слишком быстро. Однако он понял, что мать права. Приняв решение, Лиф хотел сразу же приняться за его осуществление.

— И еще. Ты пойдешь не один, — сказал отец, направляясь к двери. — У тебя будет спутник.

Лиф открыл рот. Интересно, сюрпризы когда-нибудь закончатся?

— Кто... — начал он.

— Наш старый друг. Человек, которому можно доверять, — ответил отец, распахивая дверь.

На пороге стоял Барда.

## 10. РЕШЕНИЕ

— Что, Лиф, похоже, ты не очень-то рад своему спутнику, — усмехнулся нищий полоумный старик.

Лиф не мог вымолвить ни слова.

— Барда, Лиф же не знает, что ты не тот, за кого себя выдаешь, — ласково сказала



Анна, обнимая сына за плечи.

Барда стащил с себя и бросил на пол грязные лохмотья, которые никогда не снимал. На нем оказалась простая, но чистая одежда. Он расправил плечи, откинул с лица спутанные волосы и гордо поднял голову. Теперь Барда выглядел совсем по-другому: высоким, сильным и гораздо моложе, чем казался.

— Я тоже жил во дворце, когда твой отец и король Эндон были юны, Лиф, — сказал он. Голос его изменился. — Я сын их старой няни Мин, но мы друг друга не знали. Когда они занимались с учителями, я готовился стать дворцовым стражем.

— Но сколько я себя помню, ты всегда жил во дворе кузницы, — неуверенно возразил Лиф.

Лицо Барды помрачнело.

— Я сбежал из дворца в ту ночь, когда убили мою мать. Я знал, что если останусь, то меня ждет та же участь. Одежда стража помогла мне беспрепятственно пройти через ворота, и я добрался сюда.

— Почему сюда? — спросил Лиф.

— Я верю, что меня привела судьба, так же как когда-то Джарреда, — тихо ответил Барда. — Была глубокая ночь. Вашего дома я в темноте не заметил. Спрятался в кузнице и заснул. Когда через несколько часов я проснулся, уже наступил день, но стояли сумерки. Выл ужасный ветер. Еще не до конца проснувшись, я выглянул из кузницы и увидел четырех людей. Теперь я знаю, что это были Джарред, Анна, король и королева. — Он с усмешкой взглянул на Джарреда. — Твой отец был неприятно удивлен, увидев идущего к нему дворцового стража, и одним ударом погрузил меня в сон еще на часок-другой. — Лиф не представлял, чтобы его добрый отец мог кого-то ударить. — Когда я очнулся, то обнаружил, что Джарред и Анна больше меня не опасаются, — продолжил Барда. — Пока я был без сознания, то громко бредил. Так они услышали о горе, постигшем меня, и о грозившей мне опасности. И поняли, что я могу стать им другом.

— Так и было, — сказала Анна. — Мы рассказали Барде обо всем и попросили помочь нам разыскать похищенные камни, когда придет время.

Барда кивнул:

— Я сразу же согласился. Мне хотелось сделать все, что в моих силах, чтобы свергнуть Повелителя Теней и отомстить за мать.

— Невероятно! — воскликнул Лиф. — И все это время ты...

— Все это время я был в безопасности, скрываясь под обликом нищего. Джарред и Анна дали мне кров и еду и помогали играть свою роль. Взамен я присматривал за тобой с тех пор, как тебе исполнилось десять.

— Присматривал за мной?..

— Да. После того как твой отец повредил ногу, я сказал, что один отправлюсь на поиски камней, когда придет время. Но Джарред и Анна не согласились. Они считали, что именно ты должен исполнить клятву отца.

Барда посмотрел на родителей. Их лица ничего не выражали, но Лиф понял, что по поводу исполнения клятвы было немало споров. Барда хотел идти один.

«Он думает, что я буду ему обузой», — пронеслось в голове у Лифа. Но прежде чем юноша успел что-либо сказать, Барда продолжил:

— Я согласился взять тебя с собой при условии, чтобы родители позволили тебе одному бродить по городу, чтобы ты увидел жизнь и научился быть самостоятельным. Думаю, это так же важно, как и твое сидение за книжками. Но, разумеется, нужно было следить, чтобы ты не попал в настоящую беду. — Он улыбнулся. — А это оказалось не так-то просто, молодой человек! Кстати... Ты не потерял мою веревку?

Боясь поднять глаза на родителей, Лиф отдал моток, который бросил было на пол в углу. Он покраснел, вспомнив, как гордился собой за то, что ему всегда удавалось выйти сухим из воды, как хвастался перед друзьями своей удачливостью. Значит, дело вовсе не в удаче и уж тем более не в его ловкости. Все это время Барда «присматривал» за ним.

Лиф уставился в пол. Его охватил невыносимый стыд. «Каким же идиотом он меня, наверное, считает! — со злобой думал мальчик. — Барда ходил за мной как нянька за малым ребенком! Должно быть, я ему смешон!»

Барда снова заговорил, и Лиф заставил себя поднять глаза.

— Мои нищенские лохмотья сослужили хорошую службу, — спокойно продолжал тот, обматывая веревку вокруг пояса. — Я мог подслушивать, что говорят Серые Стражи. Никто не опасается полусумасшедшего попрошайки.

— Именно благодаря сведениям, которые собрал Барда, мы знаем, что настало время отправляться на поиски камней, — добавил Джарред, с беспокойством глядя на хмурое лицо сына. — Повелитель Теней давно лелеял замыслы захватить земли за морем. Сейчас он отзывает войска с нашего побережья и наконец-то ослабил наблюдение над Тилоарой.

— В городе все еще довольно много Серых Стражей, но в других частях страны их стало значительно меньше, — подтвердил Барда. — Теперь там шастают разбойники, дикие звери и всякие чудовища. В Тилоаре всегда обитали злобные твари, но раньше их уравнивало добро. С приходом Повелителя Теней равновесие нарушилось. Зло стало гораздо могущественнее.

У Лифа по спине побежали мурашки, но Барда смотрел прямо ему в глаза. Мальчик скорее бы умер, чем выдал свой страх. Он взял в руки карту.

— Вы уже наметили маршрут? — быстро спросил Лиф.

Джарред собирался ответить, но Барда заговорил первым, ткнув в карту заглубевшим пальцем:

— Думаю, начнем с леса Безмолвия.

Джарред, Анна и Лиф вздрогнули. Отец прочистил горло и хрипло сказал:

— Мы же решили, что лес Безмолвия будет последним пунктом путешествия, а не первым.

Барда пожал плечами:

— Сегодня я кое-что услышал, и это заставило меня переменить план. Серые Стражи, так же как и мы, всегда боялись этого леса. А теперь они вообще к нему не приближаются, потому что понесли там большие потери. Дорога к лесу совершенно свободна — от Стражей, по крайней мере.

Лиф окаменел от ужаса. Отправиться в лес Безмолвия, место детских ночных кошмаров, когда-нибудь в будущем — это одно. Но пойти туда прямо сейчас!..

— Что ты на это скажешь, Лиф? — спросил Барда.

Голос ничем не выдавал его, но мальчик понял, что это проверка. Он незаметно облизнул пересохшие губы, поднял глаза от карты и твердо встретил испытующий взгляд своего будущего спутника.

— По-моему, отличный план, Барда, — ответил он. — Если Стражи не будут нам мешать, мы сможем выиграть время. А если найдем первый камень достаточно быстро, то это вдохновит нас.

Барда отвел глаза.

«Я был прав, он испытывал меня, — подумал Лиф. — Хотел, чтобы я отказался идти. Хотел от меня отделаться. Как бы не так!»

— Ну, Джарред? — спросил Барда. Отец медленно склонил голову:

— Похоже, судьба решила изменить все мои планы. Что ж, я должен ей покориться. Делайте по-вашему. Мысленно мы с вами.

## 11. БЕРЕГИСЬ!

Через несколько часов Лиф уже шагал по дороге на восток от Тила. Он двигался как во сне. Рядом шел Барда, молчаливый, гордый, сильный, совсем не похожий на того шаркающего, вечно что-то бормочущего старика, который все время торчал у ворот кузницы.

Никто не заметил, как они покинули Тил через дырку в стене, о существовании которой Лиф даже не подозревал, так тщательно она была замаскирована. И теперь город, родители и все то, что он знал и любил, остались позади. Каждый шаг приближал Лифа к тому месту, одно название которого заставляло его покрываться холодным потом.

«Лес Безмолвия так пугает меня, потому что он не очень далеко и потому что с самого детства я слышал о нем всякие ужасы», — успокаивал себя Лиф. Было очевидно, что остальные места на карте не менее пугающие, просто о них он еще ничего не знал.

Однако эта мысль почему-то его не утешала.

В течение первого часа он ни на секунду не отпускал рукоятку меча. Но им никто не встретился, и теперь мальчик сосредоточился главным образом на том, чтобы поспевать за Бардой, принаравливаясь к его широким шагам. Лиф решил, что не попросит сделать привал, даже если будет валиться с ног от усталости. Еще он решил, что не заговорит первым, хотя в его голове роились сотни вопросов.

Они подошли к месту, где направо от главной дороги ответвлялась тропа, пересекала деревянный мост и терялась во мраке. Барда остановился.

— Думаю, это дорога на Уэн Тил — ближайший путь к лесу Безмолвия, — сказал он. — Этот поворот соответствует описанию, которое мне дали. Но здесь должен быть указатель, а его нет.

Вокруг них стояли высокие мрачные деревья, но ни один листок на них не шевелился. Ничто не нарушало гнетущую тишину. Словно вся природа замерла в ожидании их решения.

Облака на минуту рассеялись, и на путников пролился призрачный лунный свет. Оглядевшись, Лиф увидел на обочине дороги что-то белое. Он подбежал, нагнулся и позвал Барду.

— Вот он, указатель, — крикнул мальчик, расчищая руками опавшие листья. — Кто-то свалил его, чтобы было непонятно, куда ведет тропа.



Табличка была покрыта слоем листьев и травы. Увидев надпись, Лиф присел на корточки.

— Кто-то хотел предупредить путников об опасности, которая подстерегает на этой тропе. Знак свалили, чтобы скрыть не название места, а предупреждение, — задумчиво произнес Барда.

Лиф поднялся на ноги и посмотрел вокруг. Тишина показалась ему густой и тяжелой, она давила на него.

— Если мы пойдем по этой тропе, то выгадаем больше суток, — нахмурившись, сказал Барда. — Но, наверное, мне не следует подвергать тебя такой опасности с самого начала.

Лиф ужасно разозлился. На Барду, который заметил его страх, на самого себя за то, что боится, и на неизвестного врага, который постарался спрятать указатель.

— Ты больше не должен «присматривать» за мной, Барда, — громко сказал он, пиная мертвые листья. — Нельзя терять возможность срезать часть пути. Нас предупредили об опасности. Мы будем идти осторожно.

— Хорошо, — ответил Барда. — Как хочешь. Его голос был спокойным и ровным, как всегда. Лиф не понял, рад он или нет.

Они свернули направо, перешли через реку и двинулись дальше. Дорога извивалась, становилась все уже и темнее. По обеим сторонам росли густые высокие кусты. Листья у них были крупные, гладкие и плотные, со странными бледными прожилками, которые казались почти белыми на темно-зеленом фоне.

Вдруг Лиф ощутил легкое покалывание на шее. Он незаметно обернулся и увидел, как

сквозь листву сверкнули чьи-то красные глаза. Подавив готовый вырваться из груди крик, он коснулся руки Барды.

— Вижу, — прошептал тот. — Вытащи меч, но не останавливайся. Будь наготове.

Лиф так и сделал. Вся его кожа горела от страха. Он увидел еще пару глаз, и еще... Вскоре вдоль всей тропы горели красные точки. Однако по-прежнему не раздавалось ни звука.

Лиф сжал зубы. Рука, сжимающая меч, стала липкой от пота.

— Кто они? Чего они ждут? — шепотом спросил он у Барды.

Не успел он договорить, как через дорогу, прямо у его ног, проشمыгнуло какое-то существо и скрылось в кустах. Молочно-белое, согнутое, суетливое, с длинными руками и ногами. У Лифа мороз пробежал по спине.

— Не оглядывайся! — прошипел Барда, таща его за руку. — Не останавливайся!

И вдруг послышалось жужжание.

Сначала звук казался очень мягким. Он раздавался отовсюду, наполняя воздух, — высокий, тонкий гул, как будто над дорогой висел целый рой насекомых.

Но никаких насекомых нигде не было видно. Только темно-зеленые листья. И красные глаза. И несмолкающее жужжание, которое с каждой минутой звучало все громче. Казалось, оно раздается прямо в голове. Начали нестерпимо болеть уши.

Звук просто оглушал — высокий, режущий, невыносимый. Лиф и Барда зажали уши руками, нагнули головы и шли все быстрее, быстрее, пока наконец не сорвались на бег. Ноги тяжело опускались на бесконечную тропу, дыхание сбилось, сердце колотилось и выпрыгивало из груди. Но они не чувствовали ничего, кроме боли, которую порождал этот невыносимый звук, пронизывающий мозги, вселяющий безумие.

Лиф и Барда бежали спотыкаясь и пошатываясь. Спасения не было. Они кричали, моля о помощи, но не слышали даже собственных голосов и наконец в изнеможении упали, корчась от боли.

Звук возрос до победоносного вопля. Листья шевелились, как живые. К беспомощным путникам приближалась толпа бледных, тощих, красноглазых тварей.

Лиф медленно пришел в сознание. Он не знал, где находится и сколько прошло времени. В ушах назойливо звенело. В горле пересохло. Болел каждый мускул.

«Я жив, — с вялым удивлением подумал он. — Как это я умудрился остаться в живых?»

Лиф попытался сосредоточиться, но все было как в тумане.



Последнее, что он помнил, это то, как они с Бардой бежали по тропе, а голова, казалось, вот-вот взорвется от невыносимого звука. После этого — мутная пустота. Хотя... Он помнил что-то еще, будто бы сон. Острая, пронзающая боль. Тонкие пальцы с заточенными ногтями, протыкающие его тело. Сон о том, как его несли костлявые руки. Шипение и бормотание. И так всю ночь и целый день и еще одну ночь и день...

Кошмарный сон... Или все это было на самом деле?

Лиф лежал на спине. Высоко над ним сквозь ветки пробивался солнечный свет. «Значит, сейчас день, — сообразил он. — Но какой день? Сколько я пробыл без чувств? И где я?»

Рядом послышался стон. Мальчик попытался повернуть голову. И вдруг с ужасом осознал, что не может пошевелиться.



Его охватила паника. Он хотел поднять руку, но не мог двинуть даже пальцем. «Как им удалось так связать меня, с головы до ног?»

И потом медленно, как сквозь туман, до его сознания дошел страшный ответ: он вообще не связан, просто тело его не слушается.

— Что со мной? — громко закричал Лиф.

— Они нас парализовали, как оса гусеницу, как паук муху.

Голос Барды звучал глухо и сдавленно, но Лиф узнал его. Значит, и стонал тоже Барда. Он лежал рядом и был так же беспомощен.

— Эти твари парализовали нас своим ядом. Мы еще живы, но не можем двигаться. Скоро они вернутся и начнут пировать. — Снова раздался стон. — Почему мы не послушались предупреждения! Это я во всем виноват. Не представлял себе оружия, против которого мы были бы бессильны. Но этот звук! Никто бы его не выдержал. Не знаю, почему Стражи в Тиле не упоминали о нем.

— Может быть, не знали. Наверное, никто из тех, кто его слышал, не выжил, чтобы рассказать об этом, — предположил Лиф.

— Я буду виноват в твоей смерти! Мальчик облизал пересохшие губы.

— Ты ни в чем не виноват. Мы вместе выбрали этот путь. И потом, мы пока еще живы. Интересно, где мы?

Барда долго молчал.

— Они долго несли нас, — слабо вымолвил он. — Мне кажется, мы в лесу Безмолвия.

Лиф закрыл глаза и попытался бороться с нахлынувшей волной отчаяния. Вдруг ему в голову пришла одна мысль.

— Зачем? — спросил он. — Зачем они отнесли нас так далеко от своего дома?

— Потому что вы слишком лакомый кусочек для уэнов, — раздался незнакомый голос. — Они притащили вас сюда, чтобы принести в жертву своему божеству. Уэнбар любит свежее мясо. Он придет после заката солнца.

Высоко в ветвях дерева послышался шорох. И вдруг на землю прыгнула легкая, как бабочка, юная девушка с копной непослушных волос.

## 12. УЭНБАР

Лиф изумленно смотрел на девушку, которая выглядела лет на шестнадцать. У нее было красивое своевольное лицо, раскосые зеленые глаза и черные волосы. На ней болтались серые лохмотья. Лифу показалось, что он их уже где-то видел. Она нагнулась над ним, чтобы развязать его плащ.

— Кто ты? — прошептал Лиф.

— Этот плащ нам пригодится, Филли, — сказала девочка.

Лиф понял, что она говорит вовсе не с ним, а с маленьким пушистым пучеглазым зверьком, который сидел у нее на плече.

— Хорошо, что сегодня мы пошли этой дорогой, — продолжала она. — А то завтра их одежда уже ни на что не годилась бы.

Тонкими загорелыми руками девочка с легкостью перекатила Лифа на бок, чтобы вытащить из-под него плащ. Потом опять положила его на спину, встала и небрежно перекинула ткань через плечо.

Откуда-то сверху послышалось резкое карканье. На дереве, с которого прыгнула девочка, сидел огромный черный ворон. Склонив голову, он внимательно наблюдал за ними своими желтыми глазами.

Девочка улыбнулась и показала ему плащ:

— Смотри, что я нашла, Кри! Отличное новое одеяло для гнезда. Мы уже уходим, не бойся.

Она отвернулась и собралась снова залезть на дерево.

— Нет! — в страхе крикнул Лиф. — Не оставляй нас!

— Ты не можешь бросить нас тут умирать! — прохрипел Барда.

Но та уже скрылась из виду, унося с собой плащ. И вдруг за пеленой отчаяния и страха Лиф увидел образ матери: при свете свечи она терпеливо ткала подарок сыну.

— Верни мой плащ! — яростно прокричал он. Лиф понимал, как это глупо. Очень

скоро его ожидает страшная смерть, а он заботится о плаще. Но почему-то Лифу казалось это важным.

— Ты не имеешь права! Это подарок матери! Моей матери!

Тишина. И вдруг, к удивлению Лифа, девочка вернулась и недоверчиво посмотрела на него сквозь спутанные волосы.

— Как это — подарок матери? — требовательно спросила она. — У Серых Стражей нет матерей. Их выращивают в специальных домах...

— Я не Серый Страж! — завопил Лиф. — Мы с другом просто путники, идем из Тила. Разве ты не видишь сама по нашей одежде?

Девочка презрительно усмехнулась:

— Одеждой вы меня не обманете. Только Серые Стражи ходят по этой тропе, потому что она ведет в лес Безмолвия. — Она погладила маленького зверька на плече. Голос ее стал жестче, когда девочка продолжила: — Много вас таких приходило сюда, желая лишь одного — убивать. И все жестоко поплатились за это!

— Мы не Стражи! Меня зовут Барда. Моего спутника — Лиф. Мы пришли в лес с определенной целью.

— Какой еще целью? — подозрительно спросила девочка.

— Мы не можем сказать тебе... — ответил Лиф. Пожав плечами, она отвернулась.

— Постой! — быстро крикнул он. — Как тебя зовут? Где твоя семья? Приведи их сюда!

Девочка остановилась и снова пристально посмотрела на него. На ее лице появилось недоумение, как будто никто раньше не задавал ей таких вопросов.

— Меня зовут Жасмин, — наконец произнесла она. — Моя семья — это Филли и Кри. Много лет назад моих родителей увели Серые Стражи.

У Лифа упало сердце. Значит, нет никого, кто мог бы помочь ей перенести их с Бардой в безопасное место. Хотя... Кажется, она довольно сильная. Может быть, еще не поздно...

— Серые Стражи для нас такие же враги, как и для тебя, — сказал он со всей мягкостью и убедительностью, на какую был способен. — Мы пришли в лес именно для того, чтобы уничтожить их, точнее — чтобы избавить Тилоару от Повелителя Теней. Помогите нам, прошу тебя!

Девочка колебалась, задумчиво теребя плащ. Вдруг сверху вновь раздалось резкое карканье. Жасмин бросила на Лифа плащ и, не произнеся ни слова, стремглав бросилась прочь.

— Вернись! — изо всех сил крикнул Лиф. — Жасмин!

Ответом ему была тишина. Когда он посмотрел вверх, птица тоже улетела.

Лиф услышал, как Барда заскрипел зубами от злости и бессилия. Потом наступила полнейшая тишина. Тишина ожидания. Ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Смертельная тишина.

Солнце садилось. На землю упали длинные темные тени. Скоро наступит ночь. И тогда придет Уэнбар.

Плащ, лежащий на груди, согревал Лифа. Он не мог прикоснуться к нему, но почему-то тепло немного успокаивало его. Мальчик закрыл глаза...

Он почувствовал легкое прикосновение. Лиф вскрикнул и увидел Жасмин.

— Открой рот! — приказала она. — Быстрее! Девочка держала у его губ маленький пузырек.

Лиф повиновался. На язык упали две холодные капли. Мерзкий вкус заставил его содрогнуться.

— Что за... — отплевываясь, спросил он. Но Жасмин уже отвернулась от него.

— Открой рот! — прошептала она Барде.

Через мгновение тот закашлялся от отвращения. Лиф понял, что его тоже заставили выпить эту гадость.

— Яд! — прохрипел Барда. — Ты нас...

У Лифа упало сердце. Вдруг ему стало нестерпимо жарко и его словно пронзили сотни маленьких иголочек. Необычные ощущения все нарастали: огонь во всем теле и острая боль. Как будто он опутан горящим терновником.

Высоко над головой раздалось предостерегающее карканье. Сквозь листву виднелось красное небо. Барда закричал. Но Лиф уже ничего не слышал, не видел и не чувствовал, кроме боли и страха. Он извивался всем телом и бился в конвульсиях.

Жасмин склонилась над ним. Она тянула его за руки, пытаясь поднять с земли, и безжалостно пинала босыми ногами.

— Вставай! — торопила девочка. — Ты меня слышишь? Ты что, не понимаешь, что двигаешься? Ты можешь двигаться!

«Ты можешь двигаться!» Преодолевая боль и недоверие, Лиф уперся ладонями в землю и встал на колени. Он нащупал рядом плащ — его нельзя бросать.

— На дерево! — крикнула Жасмин. — Лезьте быстрее! Уэнбар уже рядом!

Она повернулась к Барде. Тот корчился на земле и громко стонал.

Лиф хотел помочь ему подняться, но девочка раздраженно отмахнулась:

— Лезь на дерево! Быстрее! Я сама справлюсь! Лиф знал, что она права. Сейчас он не в силах помочь ни ей, ни Барде. У него едва хватило сил доползти до дерева. Руки и ноги дрожали. Время от времени накатывали волны жара. Опершись на ствол, он встал. По счастью, невысоко от земли была ветка. Тяжело дыша, он ухватился за нее, а свободной рукой обвязал плащ вокруг пояса.

Еще только день назад Лиф без труда вскарабкался бы по веревке на высокую стену, а сейчас сомневался, сможет ли хотя бы подтянуться на ветке.

Резко стемнело. Солнце скатилось за горизонт.

Лиф услышал хлопанье могучих крыльев. Черная птица слетела с дерева и, тревожно каркая, кружилась вокруг Жасмин, которая тащила Барду к дереву. Тот тяжело на нее опирался и едва переставлял ноги.

— Знаю, знаю, Кри! — бормотала она. — Я чувствую его запах.

Как только она это произнесла, Лиф тоже что-то почуял — слабая сладковатая вонь разложения.

К горлу подступала тошнота. Он взялся за ветку обеими руками и подтянулся. Прижимаясь к шершавой коре, дрожа и тяжело дыша: Лиф боялся упасть.

Жасмин и Барда наконец добрались до дерева.

— Выше! — крикнула девочка Лифу. — Как можно выше! Уэнбар не лазает по деревьям, но попытается стащить нас оттуда.

Лиф сжал зубы, нащупал следующую ветку и перебрался на нее. Барда карабкался следом. Смерд заметно усилился. Послышался хруст хвороста на земле, шорох листьев и звук ломающихся веток. К поляне кто-то приближался.

— Быстрее! — прошептала Жасмин, забираясь на соседнюю ветку.

Маленький зверек, которого она звала Филли, мертвой хваткой вцепился в ее плечо. В огромных круглых глазах стоял ужас.

— Барда... — слабо произнес Лиф.

— Он знает, что делать. Ты ему очень поможешь, если уберешься с дороги. Да лезь же ты выше! Солнце уже село. Уэнбар...

Вдруг Филли запищал, а ворон каркнул. Кусты на краю поляны задрожали. Воздух наполнился таким зловонием, что Лиф закашлялся. А потом он увидел огромное уродливое чудовище, которое выползло из чащи.

Похожие на пни короткие лапы подгибались под тяжестью раздутого, опухшего тела. Оно было покрыто волдырями и разлагалось, словно гигантский гниющий овощ. На шее грязными складками висела серо-зеленая морщинистая кожа. Вместо головы, казалось, были только длинные, огромные челюсти. Чудовище широко разевало пасть, обнажая черные зубы и наполняя воздух своим зловонным дыханием.



Вскрикнув от страха и отвращения, Лиф полез выше, заставляя ослабшие руки и ноги повиноваться. Одна ветка. Другая. Третья.

Раздался ужасный рык. Лиф посмотрел вниз. Под ним были Жасмин и Барда. Уэнбар подполз к куче папоротниковых листьев, на которых его должно было ждать жертвоприношение. Обнаружив, что поляна пуста, он заскрипел зубами, замотал головой из стороны в сторону и взревел от ярости.

«Мы в безопасности! — с облегчением подумал Лиф, бессильно закрывая глаза. — Здесь ему нас не достать».

— Лиф! — крикнула Жасмин.

Мальчик открыл глаза. Уэнбар поднялся на задние лапы. В темноте его брюхо казалось почти белым. Складки на шее исчезли, потому что она становилась все длиннее... Голова поднималась все выше...

С неожиданной проворностью чудовище кинулось к дереву, оперлось передними лапами о ствол и, скрежеща зубами, потянулось к добыче. В его маленьких глазках горели звериная ярость и жадный голод.

### 13. ГНЕЗДО

Страх заставил Лифа подняться еще выше. Позднее он не мог вспомнить, как лез и лез, спасая свою жизнь, а Уэнбар бился брюхом о ствол дерева и клацал черными зубами у самых его пяток. Лифу не достало бы времени выхватить из ножен меч.

Наконец они забрались так высоко, что Уэнбар уже не мог схватить их, но чудовище не сдавалось. Теперь оно пыталось свалить дерево.

Было еще не очень темно, но уже по-ночному холодно. Плащ грел Лифа, но руки его занемели. Барда дрожал от холода, мелко стуча зубами.

«Если он замерзнет, то упадет», — подумал Лиф. Он придвинулся как можно ближе к Жасмин и Барде и накинул на них край плаща, чтобы хоть немного согреть их.

Через некоторое время мальчик ощутил какую-то перемену.

Чудовище перестало биться о дерево. Громкий рев утих до низкого, kloчущего ворчания. Жасмин высунулась из-под плаща, чтобы посмотреть, что произошло.

— Он уходит, — удивленно прошептала она. — Как будто больше нас не видит и думает, что нам как-то удалось сбежать. Но почему?..

— Плащ, — слабо произнес Барда. — Должно быть, он делает нас невидимыми.

Лиф вспомнил, что говорила ему мать, когда вручала подарок: «Он защитит тебя... Это особая ткань...»

Что значит особая?

Он услышал, как Жасмин тихо ахнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Уэны возвращаются, — прошептала она в ответ. — Я вижу их глаза. Они слышали, что рычание затихло, и подумали, что Уэнбар расправился с вами. Пришли за обедками.

Лифа передернуло. Он осторожно выглянул из-под плаща.

В кустах горели красные глаза. Чудовище подняло голову и издало громкий лающий звук, похожий на какое-то приказание. Кусты зашевелились. Уэнбар позвал еще раз. Наконец на поляну, дрожа и пригибаясь к земле, выползли два молочно-белых уэна и встали перед ним на колени. Чудовище утробно зарычало, а потом схватило их зубами, подбросило в воздух, поймало своими огромными челюстями и проглотило.

От ужаса у Лифа закружилась голова. Он поскорее отвернулся.

Жасмин стащила с себя плащ.

— Теперь мы в безопасности, — сказала она. — Уэны ушли, а чудовище насытилось и возвращается в свою пещеру.

Лиф и Барда переглянулись.

— Наверное, то, что мы ищем, спрятано в его логове, — тихо произнес Барда. — Завтра

вечером, когда Уэнбар выйдет на охоту, мы должны туда попасть.

— В его пещере нет ничего, кроме вонючих костей, — фыркнула Жасмин. — Что вы ищите?

— Мы не можем рассказать тебе, — глухо ответил Барда. — Знаем только, что оно спрятано в самом потайном месте в лесу Безмолвия и что его охраняет ужасный страж. Где еще ему быть, как не в пещере Уэнбара?

К их удивлению, Жасмин расхохоталась.

— Как мало вы знаете! Маленькая пещерка на краю одного леса! Всего лесов три, и в каждом есть места куда более опасные и потайные, чем это!

Вдруг смех оборвался. Девочка задумчиво нахмурила брови.

— О чем ты думаешь? — спросил Лиф.

— Просто... — Она оборвала себя и покачала головой. — Не будем говорить об этом здесь. Я отведу вас в свое гнездо. Там мы будем в безопасности и сможем все обсудить.

Они перебирались с одного дерева на другое по веткам и лианам, не спускаясь на землю. Лес был очень густой. Над ними раскинулось звездное небо. Внизу — безмолвный мрак. Кри летел впереди, часто садясь на вершины деревьев, чтобы подождать путников. Филли сидел на плече у Жасмин.

Лиф чувствовал, что силы возвращаются к нему. Однако он был очень рад, когда наконец они добрались до дома Жасмин. Жилище и вправду напоминало большое гнездо, сплетенное из веток и укрепленное на вершине развесистого дерева, которое одиноко росло посреди болотистой поляны. Сквозь листву светила луна, заливая гнездо своим мягким белым сиянием.

Жасмин заговорила не сразу. Сначала она поудобнее усадила Лифа и Барду и дала им ягоды, фрукты, орехи и чаши, которые были сделаны из какой-то дикой тыквы, наполненные вкусной прохладной водой.



Лиф отдыхал и осматривался. У Жасмин дома хранилось совсем мало вещей. Расческа, потерявшая несколько зубчиков, ветхое одеяло, старая шаль, два маленьких пузырька и деревянная кукла — все, что осталось от родителей, которых она потеряла. Пояс, два кинжала, пара кремней, чтобы разводить огонь, золотые и серебряные монеты — когда-то это принадлежало Серым Стражам, которых приносили в жертву Уэнбару. Странная одежда девочки была перешита из их униформы.

Жасмин разделила еду на пять равных частей, как будто Филли и Кри в самом деле были членами ее семьи.

У Лифа промелькнула неприятная мысль о том, что девочка безжалостно грабила несчастных жертв Уэнбара и оставляла их умирать. Конечно, Серые Стражи забрали ее родителей и сделали их рабами, а возможно, и убили, но все равно жестокость девочки поразила его.

— Ешьте! — ворвался в его мысли голос Жасмин. Она села рядом. — Еда вернет вам силы.

Девочка жадно впилась зубами в неизвестный розовый плод, и сок побежал по ее подбородку.

«Я не имею права осуждать ее, — подумал Лиф. — Она живет, как может. И к тому же только благодаря ей мы еще живы. Из-за нас она рисковала жизнью, хотя могла бы просто уйти. А теперь еще и привела в свой дом и разделила трапезу».

Барда начал есть, и Лиф последовал его примеру. Никогда в жизни ему не доводилось пробовать такую странную еду, да еще сидя при свете луны в огромном гнезде, которое чуть-чуть покачивалось от ветра, в компании ворона и пушистого пучеглазого зверька.

— Ты давно живешь одна? — спросил он у Жасмин.

— Когда пришли Серые Стражи, мне было семь, — ответила она, облизывая пальцы. — Наверное, они двигались не по той тропе, что вы, потому что уэны их не остановили. Помню, я была у ручья — наполняла бурдюки. Родители искали еду. Стражи увидели их и забрали с собой, а наш дом на дереве сожгли.

— Как же Стражи не заметили тебя? — спросил Барда.

— Мать обернулась и знаком велела мне спрятаться в папоротнике и сидеть тихо, — ответила Жасмин. — Я так и сделала. Думала, если я ее послушаюсь, буду хорошей девочкой, то родители вернутся. Но они не вернулись.

Она плотно сжала губы, уголки их дрогнули, но девочка не разрыдалась. «Наверное, она уже очень давно не плакала», — подумал Лиф.

— Значит, ты выросла одна в этом лесу? — спросил он.

Жасмин кивнула.

— Мне помогли добрые деревья и птицы, — сказала она, как будто это было совершенно нормально. — Да и родители успели меня научить всему необходимому. Из нашего сгоревшего дома я забрала все, что уцелело. Потом сделала это гнездо и проводила в нем ночи, потому что в темноте по лесу рыскают опасные твари. С тех пор я так и живу.

— Это мерзкое зелье, которым ты нас напоила... — Барда поморщился, вспомнив отвратительный вкус. — Из чего оно?

— Его сделала моя мать много лет назад из листьев таких же кустов, что растут вдоль тропы. Это снадобье вылечило отца, когда его ужалили. Каплю я дала Филли, когда его поймали уэны — он был еще детенышем. Так мы и начали жить вместе, правда, Филли?

Зверек, который смешно грыз орех, согласно пискнул в ответ. Она улыбнулась, но, посмотрев на Лифа и Барду, нахмурилась.

— На вас я потратила последние несколько капель, — тихо сказала Жасмин. — Больше ничего не осталось.

— А ты можешь сделать еще? — спросил Барда.

Она отрицательно покачала головой:

— Кусты, из листьев которых сделан настой, росли у нашего дома. Огонь уничтожил их. Во всем лесу они остались только вдоль тропы, которую сторожат уэны.

«Значит, она осталась совсем беззащитной, — подумал Лиф. — Из-за нас».

— Мы очень благодарны тебе, Жасмин, — сказал он. — Ты спасла нам жизнь.

Она пожала плечами и выплюнула косточку.

— Тилоара перед тобой в долгу, — добавил Барда. — Теперь мы можем продолжить поиски.

Жасмин посмотрела на них.

— Если ваши поиски заведут вас туда, куда я думаю, то вы все равно погибнете, — резко сказала она. — С тем же успехом можно было оставить вас на съедение Уэнбару. — Повисло тяжелое молчание. — Но, кажется, мои предостережения вас все равно не остановят, — вздохнула девочка, поднимаясь на ноги. — Так что я покажу вам дорогу. Готовы идти?

## 14. МРАК

Они опять двигались по ветвям деревьев, а внизу, на земле, копошились, рычали и шипели невидимые в темноте существа. Жасмин выбирала только определенные деревья — «добрые», как она называла их.

Девочка постоянно останавливалась, прижималась к стволу и будто бы прислушивалась.

— Они говорят мне, что впереди, — объяснила Жасмин, когда Барда спросил ее, что она делает. — Предупреждают об опасности.

Когда он недоверчиво поднял брови, она только пожала плечами.

Жасмин почти ничего не рассказала им о том, куда ведет их, потому что сама знала не слишком много.

— Мы идем в сердце самого маленького леса, — сказала девочка. — Птицы не решаются летать над ним, но говорят, что там есть злое, запретное место. Они называют его «мрак». Его охраняет ужасный страж. Даже деревья его боятся. Оттуда не возвращаются. — Она взглянула на Лифа. На лице ее мелькнула невеселая усмешка. — Ну что, такое место вам подходит?

Он молча кивнул и прикоснулся к рукоятке меча.

Когда они пересекли поляну и вошли в маленький лес, занимался день.

Густая листва почти не пропускала солнечных лучей. Стояла полнейшая тишина. Ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Даже листья не шелестели, как будто ветер не решался нарушить неподвижность темного влажного воздуха.

Жасмин стала идти еще медленнее и осторожнее. Филли спрятал голову в ее спутанных волосах. Кри больше не улетал вперед, а держался поблизости.

— Деревья велят нам вернуться, — прошептала Жасмин. — Они говорят, что мы умрем.

В голосе ее звучал страх, но она продолжала перебираться с ветки на ветку. Лиф и Барда следовали за ней, поминутно озираясь и прислушиваясь. Однако тишину нарушали лишь они сами.

Лес становился все гуще, двигаться дальше стало невозможно. Толстые лианы переплетались, как огромная живая сеть, и не пускали путников. Друзья попытались обойти преграду и обнаружили, что непроходимые дебри растут по кругу, скрывая что-то в центре.

— Это и есть то место, — прошептала Жасмин. Кри сел на ее плечо.

— Надо спуститься на землю, — предложил Барда.

Жасмин покачала головой:

— Там таится ужасная опасность. Деревья молчат.

— Может быть, они мертвы, — сказал Лиф. — Лианы их задушили.

— Нет, живы, — ответила Жасмин. В ее глазах было сочувствие и одновременно злость. — Но их держат в плену и... мучают.

— Лиф, надо спуститься, — настаивал Барда. Он чувствовал себя неуютно рядом с человеком, который разговаривает с деревьями. Жасмин казалась ему безумной. Он повернулся к ней и вежливо сказал: — Благодарим тебя за все, что ты для нас сделала. Больше ты ничем не можешь нам помочь. Мы должны идти одни.

Оставив девочку на дереве, они начали слезать на землю. Лиф посмотрел вверх и поймал ее взгляд. На руке у нее сидел Кри, а Филли прятался за густыми волосами.

Они спускались все ниже, и вдруг сердце Лифа забилось от радостного волнения. Стальной Пояс под одеждой заметно нагревался.

— Это то самое место, — прошептал он Барде. — Один из камней где-то рядом. Пояс чувствует его присутствие.

Барда сжал зубы. Лиф, казалось, легко прочел его мысли: «Если камень рядом, то и его страж тоже. А значит, вместо того чтобы добывать камень, мне надо „присматривать“ за мальчишкой!»

— Не беспокойся обо мне. — Лиф пытался говорить спокойно и уверенно. — Главное — забрать камень. Если я погибну, это не твоя вина. Тогда ты должен будешь снять с меня Пояс и идти дальше один, как и собирался.

Барда быстро посмотрел на него и хотел что-то ответить, но передумал и молча кивнул.

Они спрыгнули на землю и оказались почти по колено в ворохе мертвых листьев. Внизу было совсем темно и тихо. Паутина плотно окутывала стволы деревьев. В воздухе стоял запах сырости и гнили.

Лиф и Барда вынули из ножен мечи и двинулись вдоль стены из густо переплетенных веток и лиан. Пояс на Лифе становился все горячее. «Близко!..»

Вдруг Барда схватил его за руку.

Перед ними открылся проход. Там стоял кто-то неуклюжий и страшный.

Это был рыцарь в блестящих золотых доспехах. Шлем венчали золотые рога. Неподвижный, он стоял на страже, держа в руках огромный меч.

Лиф чуть не вскрикнул, когда увидел, что украшало эфес.

Большой желтый камень. Топаз.

— Кто вы?

От глубокого, низкого голоса у Лифа и Барды кровь застыла в жилах. Рыцарь не шелохнулся, даже не повернул головы. Они знали, что теперь бессмысленно пытаться убежать или спрятаться.

— Мы путники из города Тил, — ответил Барда. — Как твоё имя?

— Я Горл, страж этого места и владелец сокровища. Вы чужаки. Если уйдёте, то сохраните жизнь. Если останетесь — умрёте.

— Нас двое против одного, — прошептал Лиф на ухо Барде. — Надо напасть неожиданно. Можно притвориться, что уходим, а потом...

Горл медленно повернулся к ним. В прорези для глаз на шлеме была только черная пустота. У Лифа по спине побежали мурашки.

— Вы что-то замышляете против меня. Хорошо. Вы сделали свой выбор.

Он поднял закованную в золото руку, и, к своему ужасу, Лиф на негнущихся ногах начал идти к нему, как будто его тянула невидимая нить. Он отчаянно сопротивлялся, но тело повиновалось не ему, а какой-то чудовищной силе. Барда, бормоча проклятия, против своей воли тоже приближался к рыцарю.

Теперь они стояли прямо перед ним.

— Вору! — глухо произнес тот. — Вы осмелились прийти сюда, чтобы украсть мое сокровище. Что ж, теперь вы умрёте, как и ваши предшественники, и вашими трупами будут питаться мои лианы.

Он шагнул в сторону, и Лиф увидел, что живая стена была гораздо толще, чем они предполагали. Множество деревьев стояли, покрытые непроходимой сетью лиан. Высоко над землей она достигала верхушек деревьев, создавая непроницаемый купол. Дневной свет с трудом пробивался сквозь густую листву и слабо освещал то, что находилось в потайном месте.

Опутанные жадными корнями, там лежали останки бесчисленных жертв рыцаря, которые своей кровью питали лианы и давали им силы разрастаться все больше. В самом центре был круглый колодец с густой черной грязью, из которой торчали три бутона, похожие на золотые сияющие стрелы.

— Что это? — тихо спросил Лиф.

— Ты прекрасно знаешь, что это, вор! — Голос рыцаря был подобен грому. — Это Лилии Жизни, мое сокровище, которое вы хотели украсть!

— Но мы не собирались красть их! — воскликнул Барда.

Горл медленно повернулся к нему:

— Ты лжешь! Вы хотите заполучить их, так же как когда-то я сам. Хотите выпить их нектар и жить вечно. Но вам это не удастся. Я хорошо их охраняю. — Он поднял закованный в латы кулак. — Когда наконец Лилии расцветут, только я один выпью их нектар и стану правителем семи народов. Никто не сможет противостоять мне, потому что я стану бессмертным!

— Он безумен! — прошептал Барда. — Ему кажется, что семь народов не были объединены под властью Адина и Тилоара никогда не существовала!

— По-моему, он пришел сюда еще до того, как это случилось, — ответил ему Лиф. — Хотел найти эти Лилии, а они свели его с ума, и с тех пор он здесь.

Горл поднял меч.

— Идите вперед, — приказал он. — Я убью вас там, чтобы ваша кровь напитала мои лианы.

И снова их ноги повиновались его воле и зашагали в центр потайного места. Горл шел следом, держа наготове меч.

## 15. ЛИЛИИ ЖИЗНИ

Внутри царил полумрак. Все было бурым или темно-зеленым, только три золотых бутона озаряли вечные сумерки.

Лиф и Барда беспомощно стояли перед рыцарем. Они не могли пошевелиться. Горл занес над ними меч.

«Я должен подготовиться умереть», — пронеслось в голове у Лифа, но он не мог думать ни о чем, кроме Пояса. Ведь он останется лежать здесь в груди костей. Камни никогда не будут найдены. Наследник трона Тилоары никогда не будет править. Королевство навсегда останется под властью Повелителя Теней.

«Нельзя этого допустить! — с отчаянием и злостью подумал Лиф. — Что же делать?»

Вдруг Барда заговорил:

— Ты носишь доспехи рыцаря, Горл, но ты не рыцарь, потому что не сражаешься с врагами в честном бою.

«Зачем ты злишь его еще больше?!» — мысленно спросил Лиф.

Однако Горл заколебался и не спешил опускать меч на их головы.

— Я должен защищать Лилии Жизни, — наконец угрюмо ответил он. — Я узнал мою судьбу давным-давно, когда впервые увидел золотой нектар на их лепестках.

— Ты ведь был не один, когда увидел их, правда, Горл? — бесстрашно и уверенно продолжал Барда. — Ты бы не пошел один в лес Безмолвия. С тобой были друзья.

«Барда пытается отвлечь Горла от нас, — понял Лиф. — Он надеется, что если тот начнет думать о чем-то другом, то его воля ослабнет».

— Горл, что случилось с твоими спутниками? — настаивал Барда.

Рыцарь резко мотнул головой, будто от удара.

— Они... два моих брата... кинулись к Лилиям, и...

— И ты убил их!

— Мне пришлось! — громко закричал Горл. — Нельзя делиться! Я должен выпить полную чашу! — Он опустил меч и начал шагать по кругу, бормоча себе под нос: — Пока я сражался с братьями, Лилии качнулись, пролили нектар в грязь и увяли. Но я не отчаялся. Лилии теперь принадлежали мне одному. Нужно только дождаться, когда они опять расцветут.

Лиф почувствовал, что железная хватка воли Горла ослабевает и он снова может двигаться. Замысел Барды сработал. Тот уже тянулся к рукоятке своего меча.

Рыцарь повернулся к ним спиной. Казалось, он вообще забыл, что здесь кто-то есть.

— Когда появились новые бутоны, я соорудил вокруг них стену. Я хорошо охранял их. Без меня лианы никогда не выросли бы так густо.

Барда молча подал знак Лифу, и они вдвоем начали подкрадываться к Горлу, держа мечи наготове. Оба знали, что у них есть только один шанс. Битва будет честной. Нужно застать его врасплох, пока он не скует их своей волей. Иначе все будет потеряно.

Горл продолжал разговаривать с самим собой:

— Я отрубил ветви деревьев, которые осмелились сопротивляться моим лианам. Я кормил их телами врагов — мужчин, женщин, животных и птиц, которые приближались к этому месту. Я хорошо охранял мое сокровище и долго ждал, очень долго... Мое время уже близко...

Барда с громким криком кинулся на рыцаря и вонзил меч в черную щель между шлемом и доспехами. К ужасу Лифа, Горл не упал. Грозно рыча, он повернулся, вытащил из шеи меч и отшвырнул его в сторону. Потом рыцарь одним резким движением пригнул Барду

к земле. Лиф, крича от страха, обрушивал свои бесполезные удары на золотую броню.



— Умри, вор! — прошипел Горл. — Умри медленно!

И он вонзил меч в грудь Барды.

— Нет! — закричал Лиф.

Рыцарь вытащил меч и толкнул окровавленное тело поближе к спутанным корням лиан. Барда стонал и корчился, а растения медленно высасывали из него жизненные силы. Потом рыцарь повернулся к Лифу и сжал его в железных тисках своей злой воли.

Не в силах пошевелиться, мальчик завороченно смотрел на кровь, капающую с меча, который Горл занес над ним.

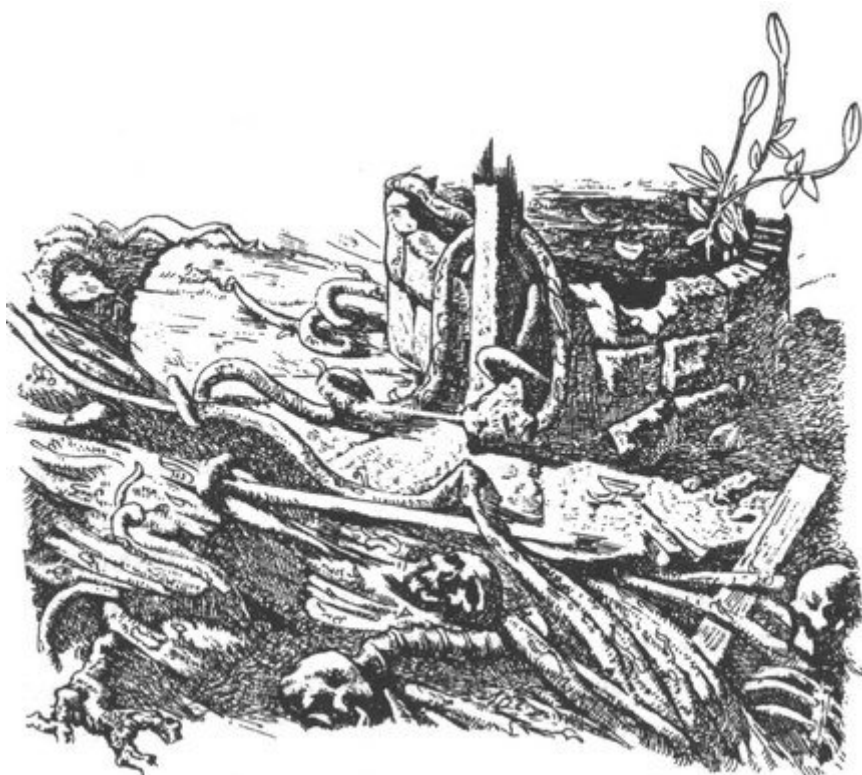
И вдруг...

— Горл, Горл!

Откуда-то сверху раздался высокий, громкий крик.

Рыцарь задрал голову. Лиф тоже посмотрел вверх и с ужасом увидел Жасмин. Она сидела на верхушке дерева и заглядывала в просвет между лианами. Над ней, словно защищая хозяйку, раскинул черные крылья Кри.





— Своей завистью и жадностью ты превратил добро в зло! — кричала она. — Ты поработорил деревья и убил зверей и птиц — все только для того, чтобы оберегать Лилии, которые тебе не принадлежат!

Она достала свой кинжал и начала резать лианы. На землю посыпались листья, словно зеленый снег.

Лиф почувствовал, что снова может двигаться, потому что Горл обратил свою волю на нового врага.

— Беги, Лиф! — крикнула Жасмин.

Послышался громкий треск ломающихся веток. Лиф отскочил в сторону. Что-то ударило его, он упал и погрузился во тьму.

Мальчик не знал, сколько времени пролежал так, закрыв глаза. Голова кружилась, сердце неровно стучало. Лиф медленно поднялся на колени и обернулся.

В глаза ему ударил яркий солнечный свет, льющийся сквозь проломленный свод из лиан и ветвей. На землю все еще, кружась, опускались листья. Под огромной упавшей веткой лежала груда золотых доспехов.

Лифу не верилось, что все произошло так быстро. Пояс обжигал голую кожу. Прямо перед ним лежал меч Горла. Топаз в рукоятке горел как огонь. «Значит, первый камень — топаз, символ верности», — подумал Лиф.

Вдруг в голове у него прояснилось. Он увидел неподвижного, бледного Барду. Мальчик подбежал к нему и склонился над другом, зовя его по имени. Тот не шевелился. Он еще дышал, но очень слабо. Из ужасной раны в груди текла кровь. Лиф разорвал на нем куртку и рубашку, попытался перевязать друга. Нужно что-то делать. Но он знал, что все бесполезно. Слишком поздно.

Жасмин прыгнула на землю рядом с ним.

— Барда умирает, — тихо сказал он, не поднимая головы.

Лиф чувствовал страшную боль утраты и одиночества.

— Лиф! — позвала его Жасмин, но он не пошевелился.

— Лиф! Смотри!

Она потянула его за руку. Он неохотно поднял голову.

Жасмин глядела в центр потайного места. На лице ее был благоговейный трепет. Лиф

обернулся, чтобы посмотреть, что там.

Лилии Жизни расцвели. Солнце, которого они так долго ждали, заставило бутоны раскрыться. Золотые лепестки впитывали свет. А из сердцевины цветков тек густой, ароматный прозрачно-желтый нектар, выливался из чашечек и капал в черную грязь.

## 16. ТОПАЗ

Лиф вскрикнул, вскочил на ноги, подбежал к Лилиям и подставил сложенные ладони под льющийся нектар. Потом мальчик вернулся к Барде и вылил золотистую жидкость на рану и на бледные губы.

И замер в ожидании. Прошла минута. Две...

— Может, он уже умер, — прошептала Жасмин.

— Барда! Очнись! Очнись! — не помня себя от горя, умолял Лиф.

Веки Барды вздрогнули. Он открыл глаза. В них стоял туман, как после глубокого сна.

— Что... случилось?... — слабо спросил он.

К нему начал возвращаться румянец. Барда притронулся рукой к своей ране.

— Болит...

— Рана заживает! — изумленно прошептала Жасмин. — Видишь? Она закрывается!

Лифа переполняла радость. На его глазах рана превратилась в багровый шрам, а потом и вовсе исчезла.

— Барда! Ты жив! — закричал он.

— Конечно, жив, — проворчал Барда, садясь и оглядываясь вокруг. — Что случилось? Я потерял сознание? Где Горл?

Лиф молча показал на грудь золотых доспехов, придавленных тяжелой веткой. Барда подошел к ним и нахмурился:

— Но это всего лишь доспехи. Самого Горла нет.

— Думаю, его тело давно рассыпалось, — сказал Лиф. — Внутри остались только мрак и его воля. Но когда доспехи сломались, даже воля не смогла выжить. Она не выдержала солнечного света.

— Значит, на него свалилась ветка и прикончила его. Вот это удача! — заметил Барда.

— Никакая это не удача! — с негодованием воскликнула Жасмин. — Я попросила самое большое дерево сделать это, и оно меня послушалось. Я объяснила, что так оно сможет избавиться от лиан. Дерево согласилось пожертвовать одной веткой, чтобы вернуть себе и своим собратьям свободу.

Барда недоверчиво вскинул брови, но Лиф остановил его.

— Поверь мне, это правда, — подтвердил он. — Жасмин спасла нам жизнь.

— Это ты спас жизнь Барде, — возразила она. — Солнце заставило Лилии расцвести, и ты...

Она оборвала себя на полуслове и бросилась к цветам. Они уже начинали вянуть. На кончиках поблекших лепестков еще висело несколько последних капель.

Жасмин быстро вытащила из-за пазухи маленький пузырек, который носила на цепочке. В него она собрала драгоценные капли и закрутила серебряную крышечку. Лилии Жизни медленно закрылись и опустили головки.

— Кто знает, когда они еще расцветут, — тихо проговорила Жасмин, возвращаясь к друзьям. — Но они расцветут обязательно, потому что теперь на них светит солнце. А у меня пока будет немного нектара.

— Что, выпьешь его и будешь жить вечно? — улыбнулся Лиф, уже зная ответ.

Жасмин покачала головой:

— Только дурак может этого хотеть. К тому же, если Горл прав, нескольких капель недостаточно. Но нектар сможет принести пользу.

— Какую? — спросил Барда.

— Он вырвал тебя из объятий смерти, — ответил Лиф. — Я тебе потом расскажу. А

теперь...

Он поднял меч Горла. Огромный топаз сжался и сам выпал из оправы прямо в подставленную ладонь Лифа. Тот рассмеялся от счастья и посмотрел на солнце сквозь камень, который вспыхнул золотым светом.

— Что это? — воскликнула Жасмин. — Вы его искали?

Лиф слишком поздно понял, что ненароком выдал тайну. Он увидел, что Барда нахмурился, но потом кивнул, словно говоря: «Можешь рассказать ей, но не все».

— Это топаз, символ верности.

Лиф положил камень в протянутую ладонь девочки.

— Говорят, топаз может... — начал Барда.

Вдруг он замолчал. Просвет над головой потемнел, как будто солнце скрылось за тучей. С неба спустился густой клубящийся туман. Кри каркнул, Филли испуганно пискнул. Трое друзей замерли.

Из тумана появилась полупрозрачная женщина. Лицо ее излучало нежность. Она улыбалась.

— Призрак, — прошептал Барда. — Топаз может...

— Жасмин! — послышался голос. — Жасмин, моя милая!

Лиф посмотрел на девочку. Она стояла, как каменная, держа перед собой топаз. Ее лицо побледнело, губы беззвучно шевелились.

— Мама... — расслышал Лиф. — Это ты?..

— Да, Жасмин. Как прекрасно, что я наконец могу поговорить с тобой. Слушай меня внимательно. У нас мало времени. С тех пор как нас с отцом забрали, ты держалась молодцом. Но теперь тебе предстоит сделать кое-что очень важное.

— Что, мама? — прошептала Жасмин.

Женщина протянула руки. Ее голос был подобен ветру.

— Лиф и Барда — друзья, их миссия справедлива. Они освободят наше королевство от Повелителя Теней. Но им еще много предстоит испытать. Ты должна идти с ними и помогать им во всем. Это твоя судьба. Ты поняла меня?

— Да, мама. Но...

— Теперь я должна оставить тебя. Но я буду заботиться о тебе, как всегда. Я люблю тебя. Ничего не бойся, милая.

Туман медленно рассеялся. Жасмин не двигалась. Когда она повернулась к Лифу и вернула ему топаз, в ее глазах стояли слезы.

— Что это за магия? — В ее голос звучала чуть ли не злоба. — Что это за камень, который может показать мне мою мать?

— Говорят, что топаз помогает живым приблизиться к миру духов, — сухо ответил Барда. — Раньше я этому не верил...

— Значит, моя мать мертва, — бесстрастно сказала Жасмин. — Я чувствовала это, но все же надеялась... — Она сжала губы, глубоко вздохнула и твердо произнесла: — Я пойду с вами. Если вы возьмете меня с собой. Но имейте в виду, что я не могу оставить Филли. И Кри всегда летит за мной, куда бы я ни шла.

— Конечно! — воскликнул Лиф, но сразу же вспомнил, что не он один должен решать такие вопросы, и посмотрел на Барду.

Мальчику стало грустно, когда он увидел, что тот отрицательно качает головой. Однако после продолжительного молчания Барда заговорил:

— Должно быть, я старею. А может, повредил мозги, когда упал. По-моему, все происходит слишком быстро. — На его лице расплылась лукавая улыбка. — Но не настолько быстро, чтобы я прозевал такую отличную идею. — Он положил тяжелую руку на плечо Лифа и повернулся к Жасмин. — Признаю, сначала я не хотел, чтобы Лиф шел со мной. Но если бы он остался дома, сейчас меня бы уже не было в живых, а поиски закончились бы, не успев начаться. Я не совершу подобной ошибки во второй раз. Если судьба решила, что нас должно быть трое, пусть так и будет.

Пояс на Лифе стал горячим. Он расстегнул его, положил на землю и вставил топаз в первый медальон. Камень занял свое место как влитой. Чистый и золотой, как нектар Лилий Жизни, теплый и сияющий, как солнце.

Жасмин зачарованно смотрела на Пояс.

— Медальонов семь, — заметила она. — Еще шесть — пусты.

— Каким бы долгим ни был путь, он начинается с первого шага, — ответил Барда. — А первый шаг мы уже сделали.

— Теперь надо освободить несчастные деревья от лиан, — сказал Лиф, вынимая из ножен меч.

— Не надо, — улыбнулась Жасмин. — Уже весь лес знает, что мрака больше нет.

Лиф поднял голову и увидел, что слетелось множество птиц. Клювами и коготками они освобождали деревья от тесной сети лиан.

— Скоро подспеют грызуны, — продолжала девочка. — Они уничтожат корни и стволы лиан. Через пару дней деревья будут свободны.

Все трое с радостью смотрели на ветки, уже скинувшие гнет и тянущиеся к солнцу.

— Наверное, когда-то здесь было очень красиво, — задумчиво произнес Лиф.

— И будет снова, — ответила Жасмин. — Все благодаря вам. Как удачно, что вы сюда пришли.

— Признаться, поначалу я был иного мнения, — усмехнулся Барда. — Но все закончилось хорошо. Очень хорошо. Думаю, можно остаться здесь на пару дней. Отдохнуть, подкрепиться, посмотреть, что будет с деревьями.

— А потом? — спросила Жасмин. — Что потом?

— Потом мы пойдем дальше, — просто ответил Барда.

Лиф застегнул на себе Пояс. Его переполняла радость победы, ощущение чуда, волнение. Сердце замирало при мысли о том, через что они прошли и что ждет их впереди.

Итак, первый камень найден.

Миссия по спасению Тилоары началась.

## ГЛОССАРИЙ

*Адин* — кузнец, объединивший семь народов, первый король Тилоары, создатель волшебного Пояса Тилоары.

*Адина* — дочь Элстред, королева Тилоары, надевала пояс всего пять раз.

*Ак-Бабы* — огромные птицы, питающиеся падалью и живущие тысячу лет. Служат Повелителю Теней.

*Альтон* — король Тилоары, отец Эндона.

*Анна* — жена Джарреда, мать Лифа, внучка Криана.

*Барда* — сын Мин, бывший дворцовый страж, боевой друг Лифа.

*Брандон* — сын Адины, надевал пояс три раза, первый король, который переехал жить из кузницы за высокие дворцовые стены.

*Волшебный Пояс Тилоары* — принадлежит королю и оберегает Тилоару, украшен семью волшебными камнями: топазом, аметистом, алмазом, изумрудом, лазуритом, рубином, опалом.

*Гнездо* — жилище Жасмин на вершине дерева в лесу Безмолвия.

*Горл* — рыцарь, стерегущий Лилии Жизни в лесу Безмолвия. Волшебный топаз украшает рукоятку его меча.

*Джарред* — друг Эндона, отец Лифа.

*Джин, Джод (они же Нисжд, Дожд)* — дети Тэган, заманивают путников чарами и съедают их.

*Д'Ор* — земля, захваченная колдуньей Тэган.

Дорога на Уэн Тил — кратчайший путь к лесу Безмолвия.

*Жасмин* — девушка-сирота из леса Безмолвия, боевая подруга Лифа.

*Желтоглазый великан* — охраняет мост во владениях колдуньи Тэган. Задает спутникам загадки и, если они неправильно отвечают, убивает их ятаганом. На самом деле — заколдованная колдуньей птица.

*Кри* — ворон, спутник Жасмин.

*Криан* — кузнец Тилоары времен правления Альтона и Эндона.

*Лес Безмолвия* — три леса, населенные чудищами. Место, где спрятан волшебный топаз. Здесь произошла встреча Лифа и Барды с Жасмин.

*Лилии Жизни* — растут в лесу Безмолвия, их нектар дарует бессмертие.

*Лиф* — главный герой книги, сын Джарреда и Анны.

*Манус* — ралад, освобожденный от Серых Стражей Лифом и его друзьями и помогающий им в их миссии.

*Мин* — нянька Эндона и Джарреда.

*Нанион* — правитель Д'Ора, превращенный Тэган в чудовище Солдена.

*Озеро Слез* — место во владениях Тэган, где спрятан рубин, который охраняет Солден.

*Осовы копи* — страшное место во владениях колдуньи Тэган.

*Повелитель Теней* — правитель страны Теней, многовековой враг Тилоары.

*Правила* — законы Тилоары, придуманные советниками.

*Прандин* — коварный советник королей, слуга Повелителя Теней.

*Ралады* — племя строителей, находящееся под гнетом злой колдуньи Тэган, и онемевшее под ее чарами.

*Раландин* — деревня раладов.

*Серые Стражи* — слуги Повелителя Теней.

*Слизкие существа озера Слез* — заколдованный народ Д'Ора.

*Страна Теней* — владения Повелителя Теней.

*Тил* — столица Тилоары.

*Тилоара* — королевство, охраняемое волшебным Поясом Тилоары.

*Тэган* — злая колдунья, угнетающая Д'Ор.

*Уэнбар* — огромное уродливое чудовище из леса Безмолвия. Ему подчиняются уэны.

*Уэны* — бледные красноглазые твари из леса Безмолвия. Их оружие — высокий, режущий звук.

*Филли* — маленький пушистый пучеглазый зверек, спутник Жасмин.

*Хот, Тот, Фай, Флай, Зан, Зод, Пик, Сник, Лук, Лод, Икабод* — чудовищные дети колдуньи Тэган.

*Шарн* — жена Эндона, последняя королева Тилоары.

*Элстред* — первый король Тилоары, снявший пояс.

*Эндон* — сын Альтона, последний король Тилоары.

*Этена* — правительница Д'Ора, жена Наниона, превращенная Тэган в скалу.